ОСОБУЮ АКТУАЛЬНОСТЬ ИМЕЮТ, КОНЕЧНО, ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ РАЗРЯДКИ. ПРОДВИЖЕНИЮ ВПЕРЕД В ЭТОЙ ОБЛАСТИ МОГ БЫ СУЩЕСТВЕННО СПОСОБСТВОВАТЬ ПРОГРЕСС НА ПЕРЕГОВОРАХ О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ, К ЧЕМУ МЫ ИСКРЕННЕ СТРЕМИМСЯ.

Из речи товарища Л. И. Брежнева на VII съезде Польской объединенной рабочей партии.

ЕВРОПА

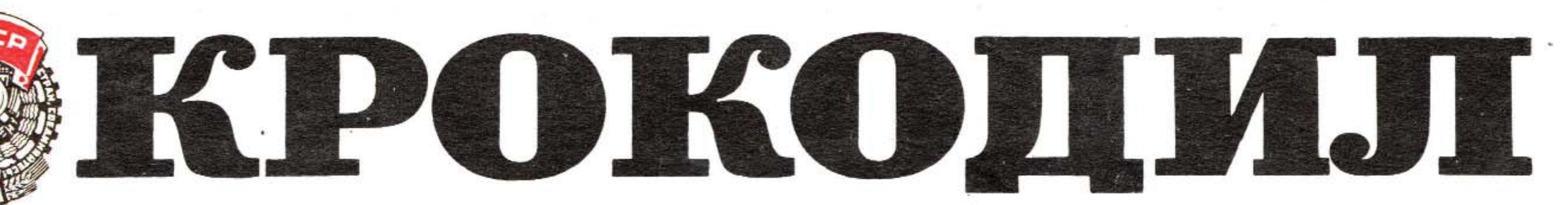
РАЗРЯДКА

ПРЕВРАТИТЬ ЕВРОПУ В КОНТИНЕНТ МИРА!

Рисунок Г. ЛОМИДЗЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА Индекс 70448 Цена номера 15 коп.

ОТК

ДИРЕКТОР

ОТК

КТО КОГО?

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

«РАСШИРИТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СИНТЕЗА ХИМИЧЕСКИХ СОЕДИНЕНИЙ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВЕЩЕСТВ И МАТЕРИАЛОВ С НОВЫМИ СВОЙСТВАМИ».

Из проекта ЦК КПСС к XXV съезду партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Двадцать пять

Святослав СПАССКИЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

Чем старше человек, тем охотнее он беседует о болезнях.

Поэтому давайте отпустим молодежь ломать хоккейные клюшки и целоваться на лестничных площадках. Пожилые, собирайтесь в кружок, пасьянсом раскладывайте на столе потертые рецепты.

Неулыбчивая это тема — недуги человеческие. А улыбаться хотят все, вот и провозгласили профессию врача гуманнейшей на свете. Уверенной рукой выписывает врач рецепт — ордер на получение здоровья. Врач пишет, но топчется вокруг обуреваемый сомнениями хворающий:

— Доктор, а, скажем, нет его, этакого-то лекарства? Как тогда?

— Обязано быть,— по-командирски рубит врач.

Обязано. А как же иначе?

* * *

Трудно приживаются деревья на каменистой почве Еревана. Поэтому, находясь в центре пышно разросшегося сада, блукая среди абрикосов и винограда, не раз с особым вниманием покрутишь головой. Привольно расположились в саду деловитые корпуса. Помимо садоводства, чем заняты здесь люди?

Корпуса в саду — это ИТОХ, ордена Трудового Красного Знамени Институт тонкой органической химии имени А. Л. Мнджояна Академии наук Армянской ССР. ИТОХовцы заняты непростым делом: выдумывают лекарства и внедряют их. На сегодня создано двадцать пять новых препаратов. Двадцать пять победных шагов в борьбе за здоровье, за счастье, за улыбку.

А только, если уточнить, всего пятнадцать препаратов используются в медицине. Десять ни в какой аптеке не достанешь.

Дан повод побрюзжать отдельным личностям: показуха, мол, известное дело. Это вот как брюки-джинсы на молниях и с модным уширением книзу: на выставке — вот они, а в магазине...

Дело в том, что можно купить штаны, которые через неделю расползутся по шву. Тут, безусловно, будет тихий конфуз, если это произошло в людном месте. Безусловно, жаль выброшенных рублевок. Безусловно, возникает желание намылить холку бракоделам. Вот, пожалуй, и все эмоции.

При негодном лекарстве конфузом не обойдешься. Новый препарат от стадии создания до стадии потребления должен пройти невероятное, близкое к космическому количество проверок. Не месяцы — годы пройдут, прежде чем с уверенностью констатирует медицина:

— Годен.

Десять из двадцати пяти еще на испытании, финиш — впереди.

— Да-с,— подумав, скажет скептик.— Знаем мы этих химиков. Нахимичат, а потом испытывают на живом человеке.

По самому отъявленному скептику никогда не приснится тот легион белых мышей, которые кладут животы свои на малейших стадиях проверки препарата.

И не одни мыши. Тут и разбойный свист морских свинок, и нарядные белоснежные шубки крыс, и лопоухое кроличье сообщество. Две тысячи мышей в месяц производит питомник, и не хватает все равно. На помощь едет экспортная мышь, из Ленинграда. Добротная мышь, кондиционная, и все же институт считает ее второсортной: зверь нежный, требует длительной акклиматизации.

Памятник собаке есть, памятника мыши нет. Несправедливо.

Годами лепят химики молекулу нового соединения, годами таращится внимательный глаз биолога, годами врач скрупулезно выслушивает и выспрашивает пациента. Результат этих напряженных лет — еще одно новое лекарство. Понятно, что новое эффективнее ранее имевшегося — иначе зачем оно? Кто станет толкать в производство керосиновую лампу при наличии электрической?

К примеру — кватерон. Людям со слабинкой в химических познаниях поспешим разъяснить. Кватерон — это просто-напросто йодэтилат альфа, бета-диметил-гамма-диэтиламинопропилового эфира п-бутоксибензойной кислоты.

Слышен вопль типографских наборщиков: как бы обойтись без подобных разъяснений? Не набор — сплошное страдание.

Поэтому другой препарат — дитилин — расшифровывать не будем. Познакомимся только с формулой его молекулы:

Тут наборщики и вовсе не справились, оставили пустое место.

А жаль. Интереснейшая штука — дитилин, а для хирургов наинужнейшая. Он полностью расслабляет мышцы оперируемого, превращает их в кисельное состояние. А хирурга, известно, хлебом не корми, дай только провести операцию в таких идеальных условиях.

Первым гомо сапиенсом, испытавшим на себе действие дитилина, был Рубен Аршакович Алексанян, заведующий лабораторией сердечно-сосудистых препаратов института.

И вот послушайте, как торопливо развенчивает он себя, чтобы восторженный корреспондент не выдал его за героя:

— Да мы всегда так пробуем — прежде всего на себе. Ведь уверены же в безопасности. Если не мы, то кто?

И правда: плох тот строитель, что боится зайти в выстроенное им здание. А все-таки...

— А все-таки чуть-чуть страшновато было,— признается Рубен Аршакович.— Кролик же не поделится впечатлениями...

Читатель! Проезжая по Центральной Африке, ты, конечно, не раз видел, как стреляют зоологи усыпляющими ампулами в грозных носорогов, чтобы без опаски измерить их, окольцевать или снять кардиограмму. Так вот, дитилин — лучшее средство и для таких экспериментов, безотказно и моментально действующее.

Стадию клинической проверки проходит еще одно вещество — фециллин, первый полусинтетический пенициллин. Клиники Москвы, Ленинграда, Еревана осторожно и настойчиво пробуют его на больных. И когда еще утвердится этот антибиотик инстанциями, а уже сейчас, заранее, отсчитывают валюту американцы, японцы, шведы: патент ваш — деньги наши!

Испытывается пуфемид — сильнейшее средство против эпилепсии, вовсю действует ганглерон, которому понятнее бы называться антижабином: он эффективен именно при лечении грудной жабы.

Привычна схема: НИИ выдумывает, выдуманное же передает в производство. Громыхая шестернями, претворяет завод-изготовитель идеи ученых в полезные обществу вещи. Так происходит материализация духа.

А здесь не так: институт не только изобретает, но и производит изобретенное в количествах, требуемых медициной. Тут в просторных цехах шипит ампулосварочный агрегат, черноокие красавицы набивают белым порошком капсулы, и пресс с такой быстротой штампует таблетки кватерона, что, соревнуясь с ним, так же быстро рождаешь свои журнальные штампы: «нескончаемым потоком», «как из рога изобилия», «животворной рекой»...

Выше уже была попытка разъяснить, что такое кватерон. Можно добавить, что внутри него заложены сосудорасширяющие свойства, а внешне это белые блестящие таблетки. Кажется, употреби их вместо пуговиц на подвенечный наряд — и ахнут завистливые подружки невесты. А вот начальник цеха Елизавета Мартыновна Гайфаджян недовольно морщится: чем-то не угодил ей внешний вид таблеток, недоослепительно белой считает она эту партию...

Значит, институт-завод? Выходит, так.

Здорово? Здорово.

А если подумать?

Продукцию надо отправлять. И получается, что вся снабсбытовская волынка, документация, требования на контейнеры, перепалка с железнодорожниками — все это ложится на голову директора. Но не простая это голова, а достаточно светлая. Потому что директор института Саркис Амбарцумович Вартанян, между прочим, еще и крупный ученый, член-корреспондент Академии наук Армении. И не умнее ли было бы использовать его — да и не только его, а и десятки других сотрудников — по прямому назначению? Явно тормозит заводская деятельность работу института, и давайте отдадим кесарю кесарево, а химику химиково.

* * *

Все три десятка научных учреждений Академии наук Армянской ССР включились в социалистическое соревнование. Назревает недоумение: разные профили, несравнимые задачи... Не фикция, не формализм ли расцветает под маркой соревнования? Итоги-то, как их подводить?

Выложит ИТОХ на стол новорожденные препараты: вот они, достижения, угощайтесь.

А рядом физики потрясают великолепными результатами по изучению космических лучей.

Институт физических исследований предъявляет синтетический корунд, искусственные кристаллы для лазеров.

Микробиологи совсем необычайное притащат: бактерии, которыми можно извлекать медь из руды.

Тут будут и исследования астрофизиков на всемирно известной Бюраканской обсерватории.

И не менее известное семейство лауреатов Государственной премии — компьютеров «Наири».

Сбалансировать, учесть, сделать выводы... Возможно ли это?

Оказывается, возможно. Совсем не малограмотные люди из объединенного профкома Академии наук подбивают общее для всех институтов:

Количество и качество научных работ.

Темпы развития научной отрасли.

Досрочное выполнение запланированных экспериментов.

Забота о кадрах: растет ли научный народец, вылупились ли свежие кандидаты, новенькие доктора всевозможных наук?

Поэтому и считает ИТОХ завоеванное им переходящее Красное знамя своей заслуженной победой в соревновании. Вместе со знаменем вручена институту Книга почета, куда будут заноситься имена лучших из лучших.

Кто же это?

Саркис Амбарцумович Вартанян имен не называет. Это будет решать коллектив. Торопиться не надо, в институте энтузиастов пруд пруди...

Стахановцы от науки... Пройдите поздним вечером по проспекту Азатуцян, поудивляйтесь, сколь празднично светится множество окон институтских корпусов. А ведь рабочий день давно кончился, дома засыпают не дождавшиеся пап малыши, и лишь терпеливые жены, прислушиваясь к гудению лифта, в который раз переразогревают ужин.

* * *

Не хочется заканчивать рассказ об институте громкими лозунгами, не обязателен здесь пафос. Просто люди честно и трудно работают и будут так же работать дальше, не думая о фанфарах и овациях. Шаг за шагом, этап за этапом. Так поставим вместо точки многоточие...

г. Ереван.

Путевка-сувенир

В 7 часов утра все собрались, предвкушая. Женщины — с завивкой, мужчины — при галстуках. Поговорили, обсудили текущие новости.

В 9 часов агент Вяземского бюро путешествий и экскурсий обнадежила: «Наш автобус приедет за вами в 10 часов». Поговорили, обсудили текущие новости.

В 10 часов: автобус появится не раньше полудня. Помолчали. Новостей для обсуждения не осталось.

Впрочем, нет. Новость скоро появилась. Директор Вяземского экскурсбюро сообщил по телефону: автобусы поломаны, а то, что один должен был прийти,— непроверенный слух. После чего поездка тихо отменилась.

Но туристки и туристы не унывали. Все-таки собрались вместе, себя показали, людей посмотрели, новости обсудили.

А туристские путевки для посещения Минска — так что же? У рабочих Гагаринского льнозавода Смоленской области они остались как сувениры. На память о том, как чуть-чуть не случилось интересное путешествие.

Кто ж виноват, что автобусы столь ломкие?

Э. МИШИН.

Арктика в миниатюре

Мои девчушки - дошколята даже во сне видят Арктику и Северный полюс. А как только просыпаются, поспешно надевают шубы, валенки, шапки, варежки, и начинается увлекательная игра в полярников: замеряют толщину льда в ведрах с водой, скорость и направление сквозняков из окон и дверей, следят друг за другом, чтобы не обморозить носы. Еще бы парочку моржей — и пожалуйста: можно открывать уголок юных полярников.

Однако игра в полярников девочкам уже изрядно надоела, и поэтому я несколько раз просил дирекцию местного лесхоза утеплить жилье.

Но, видно, дирекция желает сохранить уголок полярников: ничего для утепления дома она не делает.

Л. ПОЛУШКИН.

Пос. Тисуль,
Кемеровской области.

А на дворе опять зима...

Шубка была пушистая, теплая и легкая. Именно такая, о какой мечтала М. М. Волкова из г. Смоленска. Только сущий пустяк мешал Марии Михайловне быть окончательно довольной: цвет шубки. Она была прелестного серебристого оттенка. Нельзя сказать, чтобы он не нравился хозяйке. Но ей приходилось ежедневно проделывать длинный путь в городском транспорте, и это смущало — ведь светлые вещи так быстро пачкаются.

Ну, ничего, решила Мария Михайловна, этот недостаток легко устраним. Стоит сдать шубу в комбинат «Чайка», и ее перекрасят в любой цвет.

— Да, мы берем в окраску синтетические шубы,— подтвердили в комбинате.— Какой цвет вы желаете?

— Я хотела бы черный,— сказала М. М. Волкова.

— Ну, что ж, сделаем. Приходите за ней через недельку.

Вот так 5 апреля 1974 года М. М. Волкова сдала свою синтетическую шубу в комбинат «Чайка». А взамен получила квитанцию за № 43455.

Но шуба не была готова ни через неделю, ни через две. Все лето Мария Михайловна наведывалась в комбинат, но и за целое лето он не управился. На дворе стоял уже сентябрь, когда наконец ей вручили перекрашенную шубу. При этом на ее лице так явственно отразились сразу два чувства — недоумение и огорчение, что приемщица спросила:

— Гражданка, вы что, недовольны? Прекрасный коричневый цвет!

— Но я ведь просила черный. Вот и в квитанции сказано...

— Мало ли что в квитанции сказано. Мы всем так пишем — черный, а красим в коричневый. Впрочем, если не хотите брать, пишите заявление. Сдадим шубу в комиссионный магазин, и получите деньги.

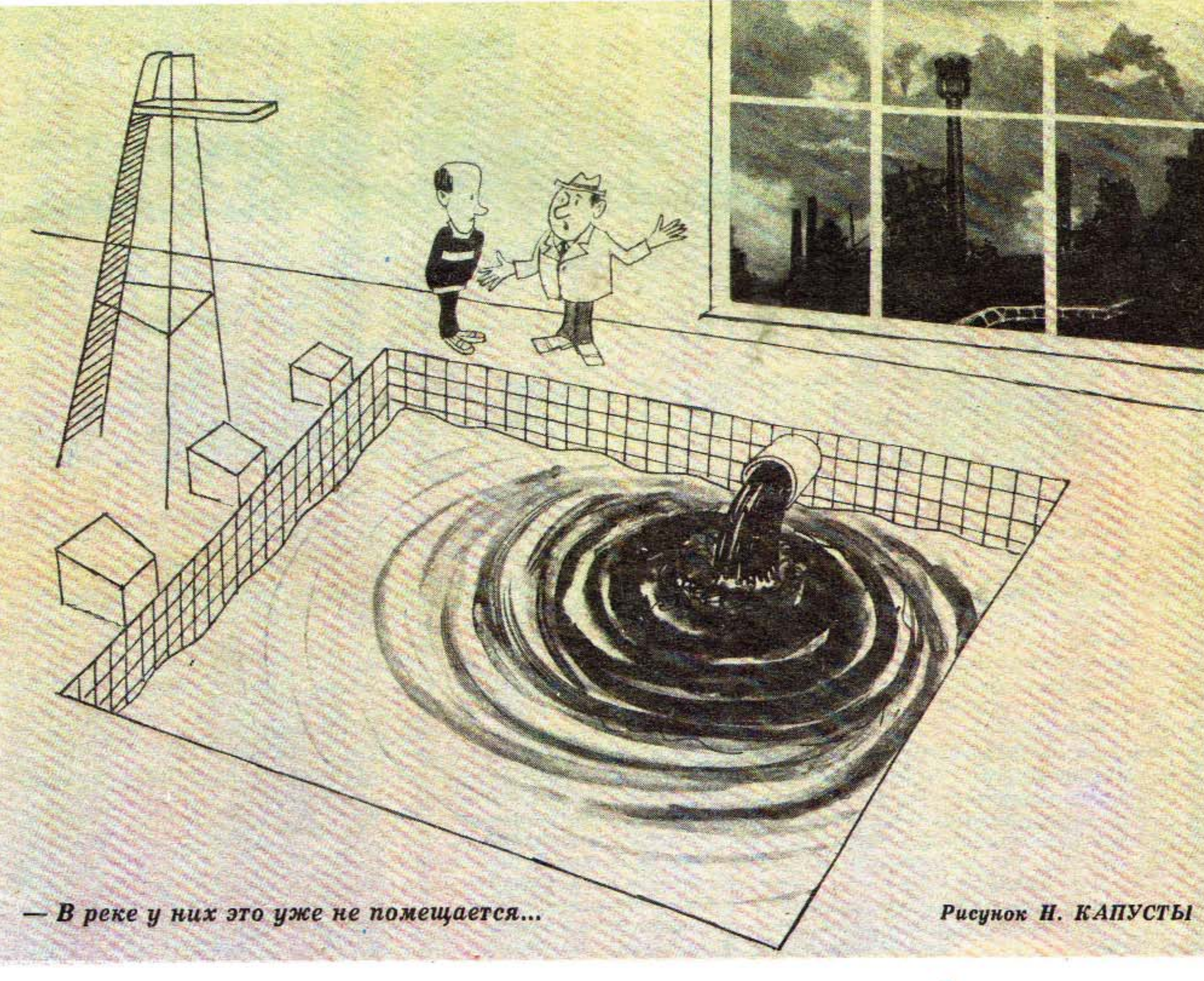
— Но мне нужна шуба! Черная!

— Черная? Тогда ждите, когда перекрасим.

Скоро два года Мария Михайловна ждет. А комбинат обещает... Правда, выполнить обещание ему все время мешают какие-то непредвиденные обстоятельства. То нет краски, то появилась краска — испортился котел, исправили котел — кончилась краска...

Известно, что из обещаний шубы не сошьешь. Но, как видим, обещаниями шубу даже не перекрасишь.

В. С.

— В реке у них это уже не помещается...

Рисунок Н. КАПУСТЫ

Эм. ПРАГ, М. РОНКИН

Зигзаг карьеры

История в заявлениях на имя директора оптовой базы

ЗАЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Довожу до сведенья начальства,
Что на нашей базе номер пять
Жулики с неслыханным нахальством
Тащут все, что только можно взять:
Все — от модных туфель до мохера,
От пальто (бельгийских) до ковров...
Требуются экстренные меры!
ВРИО замдиректора ПЕТРОВ.

ЗАЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Я уже докладывал два раза
С возмущеньем, бьющим через край,
Что для проходимцев наша база —
Как для сущих праведников рай.
Я вам приводил уже примеры,
Привести их сызнова готов...
Принимайте экстренные меры!
Младший экспедитор М. ПЕТРОВ.

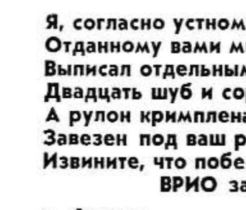
ЗАЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Делайте со мною, что хотите,
Пусть хоть пять взысканий схлопочу,
Но рулон кримплена, извините,
К вам домой везти я не хочу!
Не теряя в справедливость веры,
Жду конкретных действий, а не слов,
Где же ваши экстренные меры!
Действуйте!
К сему — шофер ПЕТРОВ.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Ставлю вас в известность, что на базе
Нынче обстановка такова:
Лично я не вижу безобразий
И не замечаю воровства.
Вот уже который день дежуря,
В будке запираюсь на засов,
Чувствую, что все у нас в ажуре.
Не волнуйтесь!
Сторож М. ПЕТРОВ.

ЧАСТНАЯ ЗАПИСКА

Я, согласно устному приказу,
Отданному вами мне вчера,
Выписал отдельным лицам с базы
Двадцать шуб и сорок три ковра.
А рулон кримплена лично мною
Завезен под ваш родимый кров.
Извините, что побеспокоил...
ВРИО замдиректора ПЕТРОВ.

г. Фрунзе.

«Будучи в г. Батуми, я насмотрелся на безжалостное истребление перепелов. Уставшие, обессиленные после перелета, бьются они о провода, о стены домов, а сотни людей ловят их голыми руками... Нельзя ли походатайствовать, чтобы запретили подобного рода охоту на перепелов в г. Батуми?»

(Из письма читателя В. С. Суханова, г. Мелитополь).

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

В хорошем деле охраны природы есть, конечно, большие сдвиги. Приняты нужные законы, подписаны строгие указы, тысячи новых членов пополнили ряды ВООП, и почти на каждом газоне можно увидеть непоколебимый щит с призывом:

«НЕ ТОПЧИ!»

Тем не менее в хорошем деле остаются серьезные просчеты. Отношения человека к окружающей среде не только далеки от идиллических, но и вызывают серьезную тревогу. Проблема эта, безусловно, сложна и неоднозначна. Не пытаясь охватить ее целиком, порассуждаем о птицах, зверях и охотниках.

Автору близка эта тема, поскольку вырос он в доме, где висели на стене четыре ружья и четыре собаки устраивали нетерпеливый скулеж в ожидании охоты. Охота здесь была не пустой забавой, ею кормились, но заповеди — не жадничай и не пакости — соблюдали свято. В полста километрах от нас, в таежном поселке Каратуне, жил знаменитый тигролов Трофимов. Он ловил зверя живьем: выследив, шел «на тигру» с рогатиной, прижимал к земле, связывал лапы и заматывал веревкой пасть. Руки у Игната Трофимовича были все изгрызены. Вот такая это была охота... Не мудрено, что я привык относиться к охотникам с трепетом, подразумевая в них людей сильных, достойных, по-особому благородных.

С тех пор прошло много лет. Полосатых хищных красавцев теперь можно пересчитать по пальцам, зато неуемно выросло количество охотников, далеких от трофимовской доблести. Недавно мне на глаза попалось объявление: «Продаю медвежью шкуру». Шкура мне была не нужна, но захотелось посмотреть на медвежатника. Он оказался тощ, хил, плюгав и, как выяснилось, отнюдь не благороден.

— Как же вам удалось повалить такого зверюгу?—изумился я, когда он небрежно бросил на пол огромную шкуру.

А очень просто: прямо к берлоге был подвезен важный столичный гость, даден ему был в руки карабин с оптическим прицелом, и с безопасных метров влупил он по зверю.

— Аж взвыл он у меня и три раза перекувыркнулся! — с дрожью и упоением вспоминал зверобой, расправляя узкую грудь.

Обидно, что время работает против зверя. Ныне и слабак может ухлопать могучую медведицу, ныне и вовсе не меткий, взяв скорострельное ружье, оставит от утиной стаи только пух да перья. Однако страшна, наверное, все-таки не техника. Распоясавшийся пакостник, обнаглевший хапуга — вот кто опасен зверью и птице.

Ведь и ружья не надо любителям перепелятины, когда выходят они за добычей. Застигнутые ненастьем, маленькие, стограммовые птички замертво падают в скверы и пригородные лесочки, чтоб отдохнуть, обсохнуть, отдышаться. Сбившись в стайки, спят они без задних ног и не слышат, как толпы охотников с фонарями и сачками начинают беспощадное прочесывание местности. За одну утреннюю зорьку разве что ленивый не наловит здесь полный мешок.

И милым делом будут заниматься эти ловцы птиц днем. Сядут вместе с чадами у себя во дворе и начнут сворачивать птахам головы, довольно приговаривая:

— Ничего, что мясо костлявое, зато на дармовщинку!

Вот ведь что странно: сопрет с фабрики какой-нибудь стервец батон колбасы — остановит его вахтер. Потащит воришка с совхозных грядок клубнику — поднимет тревогу сторож. Ну, а не дай бог обворуют сберкассу — вовсе объявят всесоюзный розыск. Только на грабеж природы мы подчас смотрим сквозь пальцы. Почему-то никак не объяснить, что грабят-то у нас в доме...

«Нельзя ли походатайствовать, чтобы запретили подобного рода охоту на перепелов в г. Батуми?»—пишет читатель Суханов. Разумеется, можно походатайствовать. Можно усилить меры. И если постараться, можно даже под каждый куст посадить милиционера, чтобы зорко охранял пернатую дичь. Только, наверное, это все-таки не выход. Думается, что спасти зверя и птицу может другое — человеческое к ним отношение.

Вот тут к кому обратиться с челобитной?

Фельетонист

Н. КУЛАК

Вы—электроды!

Электромонтеры,
вы — наши аккумуляторы!
...Вы — живописцы ваттного спектра.
...Вы—высоковольтные богатыри!

В. СОСНОРА.

Кто вы, поэты!
Кто вы, писатели!
Вы — трансформаторы
И выключатели,
Аккумуляторы,
Сопротивления,
Роторы, статоры
И напряжение.
Вы — конденсаторы
И циклотроны,
Античастицы,
Кванты, мезоны,
Омы, катоды
И реостаты,
Вы — электроды,
Вы — киловатты,
Электромоторы,
Электромонтеры,
Штепсели...

(Дальше читай у В. Сосноры

г. Фрунзе.

— *Говорят, что если в клубе затопят, то пришлют скрипача.*

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Владимир СКИФ

Проливень

Омёт до зёрнок виден весь...
...Бивал снопы на пожне
да тешил естество.

И. ЛЫСЦОВ.

Бреду, коли не токмо бресть,
А и брюзжать ужо не можно.
Омёт до зёрнок виден весь,
И зрак подсолнуха на пожне.
Но померкало всё окрай,
Сьютилось, доперёк сватажась,
Бычачий рык, вороний грай
Слетел на пожню и на пажить.
Завоздымался божий глас,
Заволочило все мокретью,
Заморочачило зараз
Рогульки, жмеринки и бредни.
Скрупился проливень дождной,
Посек оздорчивой водицей
Мой зипунок, мой дых курной,
Как будто знобкой студеницей.
Я сел в попрятовый стожок,
Как принакрынулся поветью,
Как засупонил кожушок
Под этой свилью-коловертью!
Нахлынул сутеми раствор,
А я, курлыча и воркуя,
На жнивцах бредил озорством,
Тебя, гулимочка, зыркуя.

г. Иркутск.

Петр СУНДЕЕВ

«За мою гениальность!»

Как великий поэт
Современной эпохи,
Я собою воспет,
Хоть дела мои плохи.

Н. ГЛАЗКОВ.

Как великий поэт
Современной эпохи,
Я пока не воспет,
И дела мои плохи.

Потому взял стило,
Чтоб делишки поправить,
Чтоб Глазкова зело
Для потомства прославить.

Мне жена говорит:
— Брось свою околичность,
Ведь искусство творит
Гениальная личность!

Отвечаю жене:
— Расцветай и не старься.
Будет памятник мне
Не у нас, так на Марсе!

Стих мой очень простой —
Лучше нету поэта.
Ваш Ванщенкин — не то,
Евтушенко — не это!

А уж Боков, друзья,—
Это просто банальность...
Нет, не выпить нельзя
За мою гениальность!

ПЕРЕПЕВЫ

М. СЕМЕНОВ, А. ШЕЙНИН,
специальные
корреспонденты
Крокодила

ШУМ ЗА СЦЕНОЙ

Эти строки мы пишем, уютно устроившись за столиком в просторном фойе Волгоградского областного драматического театра. Здесь прохладно, тихо и безлюдно. Труппа на гастролях, администрация в отпусках и служебных командировках. Даже любезный швейцар, приветливо встретивший нас, сейчас, вооружившись кошелкой, отправился инспектировать близлежащие торговые точки. Мы остались одни и теперь можем без всяких помех заняться нашим исследованием.

Так что же нас интересует? Не театр вообще, не драматургия как литературный жанр, не сценическое искусство в глобальном масштабе, а лишь частность, можно сказать, мелкая, незначительная деталь. А именно заключенная в скобки авторская ремарка, и не всякая, но только одна. **(Шум за сценой.)** В каких случаях драматург прибегает к ней, что хочет с ее помощью выразить, подсказать зрителю? Попробуем выяснить эти вопросы, пользуясь примерами, сценами, взятыми из жизни театра, в стенах которого мы сейчас находимся.

Сцена первая

Теплый летний вечер 1974 года. Одесское кафе. За столиком двое собеседников. Они толкуют о спектакле гастролирующего в Одессе Волгоградского театра.

1-й собеседник. Значит, видел наших гостей?

2-й собеседник. Видел.

1-й собеседник. Ну и как?

2-й собеседник. Спектакль разболтанный, давно к нему не прикасалась рука внимательного и заботливого мастера. Но исполнители выше всяких похвал. Особенно...

1-й собеседник. Героиня?

2-й собеседник. Да, она! Ты знаешь, я всю жизнь мечтал работать с такой исполнительницей. И мысленно представляю себе, как блестяще она выглядела бы в «Грозе», «Марии Стюарт». Поверь, у этой актрисы огромное будущее.

1-й собеседник. Знаешь, чья она жена? То-то. Быть тебе главрежем у нас. Это я тебе говорю, директор театра...

2-й собеседник. В делах театральных у меня точный глазомер, строгие, взыскательные оценки. И никакой любительщины. Попомни мои слова: жена руководителя не может не играть гениально! **(Шум за сценой.)**

Сцена вторая

Тот же, но более поздний летний одесский вечер. Просторный, «семейный» номер в гостинице. В номере двое: «Он» — в волгоградских культурных сферах лицо официальное, начальствующее, «Она» — его жена, актриса Волгоградского театра.

Она. Милый, ты не знаешь этого человека, что сидел с нашим директором в кафе неподалеку от нас и говорил о нашем спектакле?

Он. Знаю, дорогая. Это приятель нашего директора Трофимова, режиссер, он, кажется, из Кривого Рога.

Она. Завидую криворожцам!

Он. Уж не потому ли, что он пел тебе дифирамбы?

Она. Это не дифирамбы, а трезвая оценка творческих возможностей артиста. И вот что, милый: надо пригласить его к нам в Волгоград, тем паче, мы уже больше года работаем без главрежа.

Он. Если надо, душенька, будет сделано. Я скажу Трофимову, пусть вступит в переговоры с этим — как его? — кажется, Рябиновым. Только вот не знаю, захотят ли отпустить такого проницательного театрального деятеля криворожцы? **(Шум за сценой.)**

Итак, с интересующей нас ремаркой мы уже встретились дважды. Но какую же аллегорическую смысловую нагрузку она несла? Чтобы стало яснее, приведем уточняющие создавшуюся ситуацию некоторые обстоятельства.

1. Криворожцы В. А. Рябинова отпустили. Причем, как это ни может показаться странным, отпустили... более чем за полгода до его одесской встречи с выдающейся Катериной и неподражаемой Марией Стюарт.

2. В Волгоград новый главный режиссер областного драматического театра прибыл с огромным запасом художественных идей, но без трудовой книжки.

3. Поставленные им два спектакля, как принято выражаться в театральных гостиных, не оказались в ряду творческих удач театра.

4. Озабоченные местные театралы решили навести справки о творческом прошлом главрежа и узнали, что еще в ноябре 1973 года приказом по Днепропетровскому областному управлению культуры он «был освобожден от занимаемой должности как не обеспечивший художественного руководства театром». Так что вырвать его из объятий криворожской театральной общественности не составляло труда.

Сцена третья

Жаркий августовский день 1975 года. Служебные помещения Волгоградского драматического театра. Перед кабинетом директора за столиком двое пожарных играют в шашки. Душно.

1-й пожарный. Понимаешь, Митрич, который год я состою при театре, а такой накаленной атмосферы не помню.

2-й пожарный. И не говори: в стационаре горят, на гастролях пылают. Жалко на актерскую братию глядеть. За что ей муки такие?

1-й пожарный. А все беды от него, гостя криворожского. Привезли его неизвестно зачем, а теперь мучаются. Кажется, стучатся к нам, открой служебку, Митрич, посетитель рвется.

2-й пожарный. Какие могут быть посетители, когда мы в некотором роде на консервации. **(Открывает служебный вход.)** Пожалуйте. **(Входит курьер.)**

Курьер. Где тут у вас доска приказов?

2-й пожарный. Вон она. А зачем вам доска потребовалась?

Курьер. Велено приказ управления культуры вывесить. **(Вывешивает приказ, уходит.)**

1-й пожарный. Ну что там за приказ? Читай, Митрич.

2-й пожарный (читает): «В. А. Рябинов не обеспечил художественного руководства театром... Поставленные им спектакли критикой и общественностью признаны творческими неудачами... До сих пор нет репертуарного плана, практически коллектив не приступил к постановке ни одного нового спектакля...»

1-й пожарный. Ну, а дальше что?

2-й пожарный. Дальше известно что: «Рябинова В. А. от должности главного режиссера освободить как не обеспечившего художественного руководства».

1-й пожарный. Ура!

2-й пожарный. Подожди пока «Ура!» кричать. Как бы чего худого не вышло. Слышишь, опять стучат. **(Открывает дверь, снова появляется курьер, но уже другой.)**

Курьер. Где тут у вас доска приказов?

2-й пожарный. Показывали уже твоему сослуживцу. А тебе она зачем понадобилась?

Курьер. Велено тот приказ снять, а этот повесить. **(Вывешивает приказ, уходит.)**

1-й пожарный. Ну что там за новый приказ, Митрич? Такой же длинный?

2-й пожарный. Нет, короткий **(читает):** «Рябинова В. А. освободить от должности главного режиссера по собственному желанию». **(Шум за сценой.)**

Сцена четвертая

Жаркий сентябрьский день 1966 года. В кабинет заместителя начальника Управления театров Министерства культуры РСФСР входит инспектор.

Инспектор. Я по поводу фельетона в «Крокодиле» [1]. Разрешите доложить.

Зам. начальника. Докладывайте.

Инспектор. Журнал критикует нас за частую смену главных режиссеров периферийных театров. Приводятся убийственные факты по Волгоградскому театру.

Зам. начальника. Ну и что же вы сообщаете журналу?

Инспектор. В ответе министерства мы признаем критику правильной и обещаем добиться стабильности кадров.

Зам. начальника. Ни в коем случае! Нельзя брать на себя столь опрометчивых обязательств. Надо придумать что-нибудь обтекаемое. Дайте-ка мне ответ, я поправлю. **(Правит.)** Вот теперь, кажется, хорошо. Прочитайте.

Инспектор (читает): «Считая работу с кадрами режиссеров одной из важнейших, управление театров сделает для себя необходимые выводы».

Зам. начальника. Поняли? Просто и ясно: сделаем необходимые выводы. **(Шум за сценой.)**

Наше исследование подошло к концу. Остается подвести итог: что же произошло в Волгоградском театре с тех пор, как Управление театров Министерства культуры РСФСР выступило с этим публичным заявлением? С того времени, то есть с 1966 года, в театр пришли и затем ушли из него 8 главных режиссеров. В. А. Рябинов — девятый.

Мы поставили заключительную точку, а затем приоткрыли дверь в блистающий позолотой зрительный зал. И явственно услышали глухой шум, выражающий недовольство зрителей и актеров тем плачевным положением, в котором оказался некогда славный Волгоградский театр. Это был шум за сценой.

г. Волгоград.

[1] Крокодил» № 25, 1966 г.

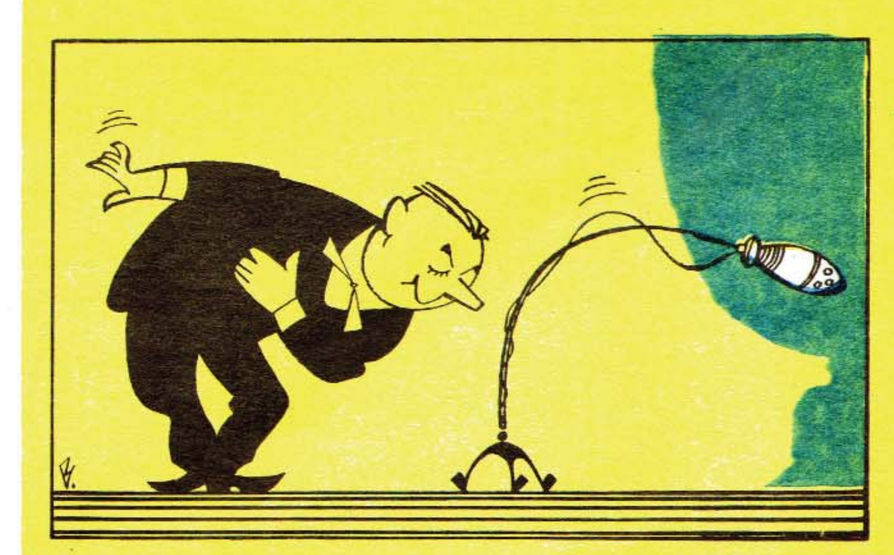

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Андрей НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

НА ЛЬГОТНЫХ ОСНОВАНИЯХ

Вот везет иным людям, даже завидно! Всю жизнь пользуются какими-то привилегиями, льготами, хотя поглядишь повнимательнее, и прав у них особых нет. Как будто все небесные и земные власти сговорились включать для этих граждан только зеленые светофоры.

И это бы ладно. Но эти граждане, как правило, проявляют ужасную неблагодарность. И начинают жаловаться, что имеющихся льгот им мало, давай больше! Вот с одним из таких не угодно ли познакомиться? Стрельников Геннадий Александрович. А еще пилот вертолета, покоритель воздушного океана.

Из своих сорока четырех лет он пятнадцать пользовался льготами.

А дело получилось такое. В 1959 году он демобилизовался из армии, и его поставили в очередь на получение квартиры.

Здесь надо подчеркнуть, что стал он в эту очередь не сам. Самому можно стать в очередь за картошкой, за мясом, ну, скажем, за зарплатой или к врачу. Спрашиваешь: «Кто последний?» — и становишься. Но в очередь на квартиру — самую зловредную из всех очередей — самому стать нельзя. Тебя туда должны поставить.

В то время в Симферопольском горисполкоме была (да она и сейчас есть) комиссия с чрезвычайно длинным, но, я бы сказал, даже поэтичным названием «Комиссия по жилищно-бытовому обеспечению и трудоустройству офицеров запаса и в отставке, инвалидов войны и семей погибших военнослужащих».

Так вот: эта комиссия ставит Стрельникова в эту как бы льготную очередь, поскольку он лейтенант запаса, и он в течение 15 лет, до 1974 года, пользуется всеми вытекающими из этого льготами. Какими? Очень большими. А именно: правом стоять в льготной очереди. Или, вернее, висеть в списке под номером четыре. Вот это и есть все льготы.

Иногда горисполком как бы спохватывался, что эта очередь для Симферополя слишком велика. И даже пытался ее сократить. Как вы понимаете, это можно сделать двумя путями: во-первых, построить дома, и очередь сократится. Во-вторых, мобилизовать инспекторов из этой же комиссии, и они так перешерстят очередь, что от нее клочья полетят. В этом случае очередь тоже сократится.

Даже первокласснику ясно, какой путь более простой, а следовательно, более рациональный. Тут разъяснять нечего.

Здесь следует заметить, что по ряду причин удобнее наводить порядок, когда избирается новая комиссия. Во-первых, она полна нерастраченных сил, а во-вторых, решительна, ибо ни в коем случае не намерена отвечать за действия своих предшественниц.

Получалось, что эта очередь — наподобие гармошки, которую можно растянуть или сжать. Однако то, что можно сделать с гармошкой, нельзя делать с людьми. Потому что когда, например, через пятнадцать лет Стрельникова исключили из очереди на жилплощадь, он стал обижаться. Он говорил:

— Какие же это льготы? За пятнадцать лет я мог бы получить квартиру в аэропорту как летчик. Но я не мог стоять в двух очередях. Это скорей помеха, а не льгота.

И тут возразить было нечего.

Правда, была более ранняя попытка выдворить из очереди Стрельникова, когда тот поехал по оргнабору на Камчатку. Он там тоже летал на вертолете. Был составлен довольно неуклюжий документ о том, что Стрельников якобы строит в Симферополе собственный дом. Но, к сожалению, горкомхоз тут же этот документ и опроверг, выдав справку о том, что дома Стрельников не строит. Во всяком случае, нашего пилота в очереди восстановили и, видимо, чтобы загладить промашку, поставили уже под номером первым.

Неизвестно, сколько времени ему было суждено лидировать, если бы он не совершил ужасный антиобщественный поступок. Вы даже не поверите, что он сделал. В один прекрасный день он явился в горисполком и сфотографировал этот злополучный, висящий в коридоре список.

— Зачем?

— Для контроля,— объясняет пилот.— Я стою в нем уже 15 лет, но фактически не продвигаюсь. Потому что продвигаться мне уже некуда, я первый.

Разумеется, поднялся переполох. Первой проявила бдительность секретарша и спросила, есть ли у него документ на право фотографирования.

Далее явился заместитель председателя горисполкома тов. Самокешев и препроводил дотошного очередника в кабинет. Оттуда позвонили в милицию, и вот уже является машина. Не без сирены. В милиции отобрали фотоаппарат, изъяли пленку, велели написать объяснительную.

Заместитель председателя тов. Самокешев говорит:

— Как же можно фотографировать в горисполкоме?

Заместитель председателя тов. Логинов выдвигает другой аргумент:

— А если бы это был интурист?

Конечно, с одной стороны, надо полагать, что любой шпион спит и видит заполучить такой список, а заодно интерьер Симферопольского горисполкома. Его, наверно, произвели бы в резиденты. Но, с другой стороны, существует предписание, совершенно официальное, вывешивать списки очередников на самом видном месте и не делать из них секрета. А совместить гласность с секретностью — это задача не из простых.

Через два месяца Стрельникова выдворили не только из группы лидеров, но и вообще из этой очереди. Нет, выдворили его не за фотографирование. Такую формулировку никто и нигде не указал. Более того, об этом вообще никто не вспоминал, как будто ничего подобного и не было. Но выдворяли его с каким-то необычайным упорством и трудолюбием. Судите сами.

Сначала заместитель председателя вышеуказанной комиссии тов. Петровский мило и просто сообщил Стрельникову, что он исключен потому, что нигде нет его документов и неизвестно, как он в эту очередь попал. Это объяснение походило на правду, потому что прошло пятнадцать лет и сменилось довольно много комиссий. Но согласитесь, что оно выглядело хотя и убедительно, но все же недостаточно солидно. К тому же какие-то документы потом нашлись, и через несколько дней Стрельникова исключили потому, что он строит дом. Однако, как вы помните, и этот вариант еще много лет назад не выдержал испытания. Тогда члены комиссии обратились к личному делу Стрельникова в военкомате. И тут совершенно неожиданно выяснилось, что Стрельников не подходит ни к одной группе военнослужащих, которыми ведает комиссия, и не может пользоваться льготами. А пользовался он ими, ко всеобщему негодованию, целых пятнадцать лет.

Вот ловкачи есть, вот деятели!

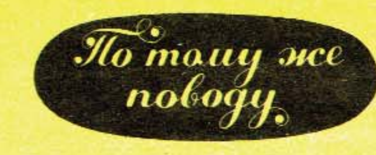
И сколько Стрельников ни доказывал, сколько ни приводил прежние аргументы, что это не он себя занес в список, что он мог получить квартиру на работе, что сейчас у него жена и двое детей,— ничего не помогло, его исключили.

Члены комиссии смотрели ему вслед, и в глазах их был виден справедливый упрек: сколько можно пользоваться льготами? Попользовался — дай другим. Надо же в конце концов и честь знать!

г. Симферополь.

— Эх, гулять, так гулять! Все равно за банкет выговор.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Мельпомена в нахлебницах

В театральных кругах наметилась мода на мертвые души. Зрительские. Чтоб в театре пусто, а в кассе густо. Плюс экономия на гардеробщиках и уборщицах. Ну, создать в театре пустоту проще простого: репертуар соответствующий, состав труппы и проч.

С кассой труднее. Однако в Брянске додумались. Стоит, скажем, мастер локомотивного депо Улько Я. Я., подходит к нему председатель месткома и вопрошает:

— Передовики в твоей бригаде есть?

— Есть.

— Премируй парня понадежнее из своего фонда, и пусть он быстренько отнесет деньги в местком: дана команда закупить комплект билетов в наш славный драматический театр.

— Это же фонд материального поощрения рабочих...

— Уймись, Улько. Знаешь, кто такую команду дал?

— Кто?

— Райком партии.

Улько — как и другие мастера — народ дисциплинированный... Дальше — больше. Стали и заезжим гастролерам помогать. Все из того же фонда мастеров. Приехал, например, Житомирский драматический театр, снова:

— Передовики в бригаде есть?..

В кассе густо. Активны, значит, театральные администраторы, интеллектуален, следовательно, выпестованный талантливыми актерами зритель. И засылаются в министерство культуры радужные финансовые отчеты.

А почему бы и нет? Ведь судя по сборам, «театр уж полон; ложи блещут...».

Как видим, теперь брянские предприятия расплачиваются за билеты в местный драмтеатр не из профсоюзной кассы, как об этом говорилось в фельетоне В. Подковы «Как бы не заклевали...» (Крокодил № 18, 1974 г.), а деньгами из фонда мастеров. Тут уж не скажешь, что после фельетона ничего не изменилось!

В Брянском областном управлении культуры эти изменения нашли столь благотворными, что сочли возможным отреагировать на выступление журнала банальным молчанием. И это несмотря на специальное напоминание.

И гложет мастера Улько Я. Я. неистовое желание заступиться за свой фонд. Только как? Мельпомена — женщина, ее взашей не выгонишь.

«Стою на полустаночке»

В этом фельетоне С. Спасского («Крокодил» № 27 за 1975 год) анализировались условия труда и организация отдыха электровозных бригад Кавказского отделения Северо-Кавказской железной дороги.

Фельетон обсуждался на совместном заседании парткома и месткома локомотивного депо Кавказская, на собрании рабочих цеха эксплуатации этого депо, в коллективах узловых станций, вагонного депо, среди смен диспетчерского аппарата.

Начальник Кавказского отделения тов. И. И. Киреев сообщил о мерах, принятых в связи с выступлением журнала.

В 1 квартале 1976 года локомотивы депо будут полностью обеспечены вентиляторами типа МВ-75. До мая всем электровозам будут приданы по два графина для питьевой воды, все электровозные бригады к началу летнего сезона будут снабжены двухлитровыми термосами. Дефекты в полу электровозных кузовов устранены.

В управлении Северо-Кавказской железной дороги сейчас рассматриваются предложения отделения об устранении ненормальностей по приему поездов на стыковых пунктах (особенно на ст. Батайск) и организации отдыха и питания бригад, а также просьба о предоставлении грузовым поездам в графике движения пятиминутных санитарных стоянок на определенных станциях. Будут обсуждаться и предложения, связанные с капитальными вложениями (строительство бригадного дома в Батайске, молодежного общежития в Кавказской, реконструкция узловых станций).

Только не все недостатки можно ликвидировать в рамках управления дороги.

Поэтому редакцию волнует вопрос: волнуют ли вопросы, поднятые журналом, Министерство путей сообщения СССР? Ведь основные из них относятся не только к Северо-Кавказской, а в равной мере и к остальным дорогам страны.

В частности:

Будут ли внесены изменения в конструкцию кабины электровоза для облегчения работы бригад?

Будут ли созданы нормальные условия для отдыха локомотивщиков?

Прекратятся ли грубые нарушения трудового законодательства и техники безопасности, когда за пульт управления вынужден садиться уставший, отработавший свою норму машинист?

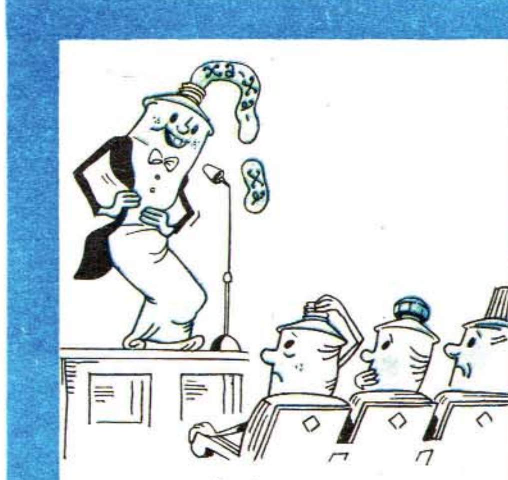
Согласно графику, утвержденному МПС, электропоезда от станции Москва-Каланчевская, вблизи которой расположено министерство, до платформы Савеловская (рядом с редакцией «Крокодила») идут от 12 до 15 минут. Почему же четвертый месяц ждет редакция прибытия министерского курьера с ответами на все вопросы, поставленные в фельетоне?

Кроме, конечно, вопроса об изобилии тараканов в гостинице «Кавказ» города Кропоткина. Это уже по другому ведомству.

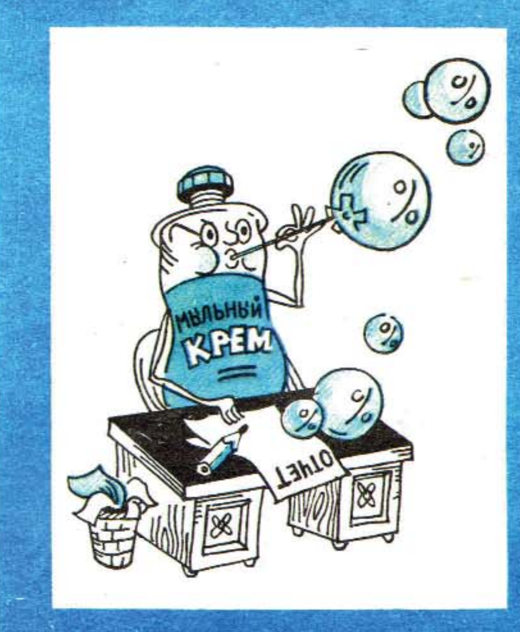
из жизни тюбиков

— Ну и давка была в троллейбусе!..

— По-моему, это какой-то аферист.

Выдавливает...

Рисунки К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

Осколки древних мифов

— Я весь механизм в часах сменил, а вы говорите: дорого за ремонт!..

— Тсс!.. По-моему, это сын Зевса!

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

— Конечно, ты бог, но у него машина!

— На тот берег не повезу. Только до середины реки!

Рисунки Е. ГАВРИЛИНА

ИЗМЕНА

Гр. ГОРИН

Виктор Андреевич Корюшкин прожил со своей женой Ниной в любви и согласии семь лет, и это обстоятельство его очень тяготило. Будучи человеком современным и в какой-то мере интеллигентным, Корюшкин не мог не понимать, что в таком безоблачном, размеренном семейном существовании есть что-то провинциальное и ущербное.

Корюшкин смотрел фильмы, читал книги, беседовал со знакомыми и всякий раз убеждался, что на свете бушуют страсти, люди смело ныряют в море острых ощущений, на Западе давно придуман «стриптиз», и только он, Виктор Андреевич Корюшкин, оказался за бортом, сидит, пьет чай и коротает знойные июньские вечера с женой и телевизором.

Особенно мучительным для Корюшкина были рассказы сослуживцев, когда в курилке учреждения, в котором работал Виктор Андреевич, после обеденного перерыва собирались мужики и, поболтав о начальстве или футболе, выходили на «живую» тему и, когда какой-нибудь Монюков (толстый, лысоватый, ни рожи ни кожи) вдруг со смаком начинал повествовать о своей трехдневной командировке в Тулу, где он в гостинице познакомился с очаровательной девушкой, почему-то эстонкой (снежные волосы, нос в веснушках и шепчет эдак с акцентом «Милый мой Моньюкоф...»), и какие сумасшедшие были эти три дня. И только Корюшкин стыдливо моргал ресницами, потому что нечего ему было рассказывать.

Так шли дни, и на седьмом году совместной жизни вдруг наступил такой знойный июнь, когда все женщины надели модные кофточки-майки и такие короткие юбки, что Корюшкин вдруг понял — пора кончать с голубиным семейным воркованием и свершить что-нибудь эдакое, возмутительное... А тут как раз и выдался случай: местком закупил путевки в двухдневный дом отдыха на водохранилище, и путевки распределили в учреждении, в котором работал Виктор Андреевич, и в соседнем, в котором он не работал, и еще в соседнем...

Дома был трудный разговор. Нина очень обиделась, что Корюшкин не берет ее с собой, хотя он подготовил вполне логичные доводы: сына брать с собой нельзя, в доме пора провести генеральную уборку, поэтому он и сматывается, чтоб не мешать, и вообще ему хочется побыть в полном одиночестве, чтобы собраться с мыслями...

В доме отдыха селили по двое. Корюшкин оказался в одной комнате с Монюковым и чрезвычайно этому обрадовался, потому что Монюков был мужиком компанейским. Монюков тоже обрадовался соседству с Корюшкиным и сразу предупредил:

— Старик, очень хорошо, что мы с тобой... Ты тогда вечерком подышишь на улице часов до двенадцати, ладно? У меня тут намечается маленькое «суаре»!

Корюшкин не знал, что такое «суаре», но все равно обиделся, что его выпроваживают.

— Сам дыши! У меня тоже — «суаре»!

— У тебя? — Монюков оскорбительно хмыкнул.

— А что, не имею права? — Корюшкин решил твердо отстаивать свои права на комнату.

— Имеешь, конечно, — задумался Монюков. — Но на кой же черт я с тобой селился?.. Ты ведь у нас всегда был паинькой... А с кем у тебя?

— Пока секрет! — сказал Корюшкин.

— Уважаю,— сказал Монюков.— Я сам молчун. Ладно! Тогда давай кинем жребий: кому дышать, кому не мешать... Орел или решка?

Корюшкин выбрал «орла» и угадал. Монюков расстроился, а Корюшкин понял, что это — знамение судьбы, тут же сбегал в буфет, купил бутылку коньяка и плитку шоколада...

Потом все пошли на реку. Корюшкин тоже пошел на реку, плавал вдоль берега «баттерфляем», разбрасывал брызги и привлекал внимание. Потом он надел шорты, темные очки и с независимым видом фланировал по пляжу, подсаживаясь к разным компаниям и осторожно вступая в разговор. Парой слов он перекинулся с секретаршей Кларой и пригласил ее вечером в кино (это на всякий случай), познакомился с одной блондинкой (Люся из научно-исследовательского института, лаборантка, не замужем), пригласил ее после обеда погулять по аллеям, «чтоб не толстеть».

За обедом Корюшкин подсел к столу, за которым сидел Монюков и четыре женщины — две незнакомые. Монюков, как всегда, хохмил, а Корюшкин ухаживал за незнакомками, подавал им горчицу и в конце обеда, допивая компот, написал одной из них — Рае (полная брюнетка, инженер-экономист, разведена) записку на бумажной салфетке: «...Давайте встретимся в 20.00 у клумбы». После обеда Монюков завалился спать, а Корюшкин, глотнув для храбрости коньяку, выбежал на улицу. Он был бодр, весел и энергичен...

И вот тут в четко расписанном графике Корюшкина начало что-то заедать. Во-первых, не вышла худеть блондинка Люся. Корюшкин два часа бродил по аллеям, высматривая ее, но она не появилась. Проклиная себя за бессмысленно потраченное время, Корюшкин помчался к кинозалу и там увидел Клару с какой-то компанией незнакомых мужчин. Клара сказала, что встретила здесь случайно старых друзей, извинилась и ушла в кино с ними. А в 20.00 Рая не пришла к клумбе. Корюшкин прождал ее целый час, мучительно раздумывая, в чем причина неудачи: салфетка не дошла до Раи или Рае наплевать на него, Корюшкина? Впрочем, теперь уже это не имело значения... Начинался вечер, время безвозвратно уходило...

Он быстро побежал к себе в комнату. Монюкова не было, на столе лежала записка: «Старик, желаю успеха! Вернусь в полночь, постарайся уложиться!»

...Виктор Андреевич посмотрел на часы — шел десятый час, теперь каждая минута была на счету. Корюшкин надел свежую рубаху, быстро побрился, глотнул для храбрости коньяку, вышел в коридор и начал бессмысленно бродить по этажам дома отдыха, прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за закрытых дверей. Погуляв полчасика и ничего не нагуляв, Корюшкин почувствовал себя бесконечно несчастным и вернулся в свою комнату.

Положение и вправду выглядело идиотским: поругался с женой, рванулся ни свет ни заря в этот дурацкий дом отдыха, отвоевал отдельную комнату и теперь сидит один.

И тут произошло нечто странное — погас свет. Корюшкин подумал, что это только в его комнате, но, выйдя на ощупь в темный коридор, он понял, что свет перегорел во всем доме.

Темнота немножко развеселила Корюшкина. Он побродил по вестибюлю, давая советы по исправлению линии, потом на лестнице столкнулся с какой-то женщиной и в темноте пытался схватить ее за руку, игриво произнося: «Пардон, мадам!»,— но тут же его кто-то толкнул в плечо, и строгий мужской голос произнес: «А ну, проходи!..» Затем Корюшкин поднялся к себе на этаж, с трудом нашел свою комнату и, быстро раздевшись, рухнул на постель.

Но тут скрипнула дверь, и в комнату вошла женщина. Корюшкин сразу понял, что это женщина, и сразу проснулся... Сердце бешено застучало у него внутри, а мысли забегали в голове, сталкиваясь и ударяясь друг о друга... Женщина сделала несколько неуверенных шагов по комнате, наткнулась на стул... Корюшкин затаил дыхание, но долго выдержать не смог, и зажатый в легких воздух, наконец, вырвался из него с каким-то стоном...

— Ой!.. Здесь кто-то есть... Простите, это какой номер? — спросила женщина.

— Семьдесят второй! — прошептал Корюшкин и резким движением выскочил из-под одеяла...

Женщина вскрикнула и отскочила, уронив стул, а Корюшкин в темноте поймал ее руку, притянул к себе и в каком-то дурмане начал страстно целовать ее, попадая губами то в плечо, то в лоб, то в шею, то вообще в никуда, потому что женщина отворачивалась и было темно...

— Прекратите! Прекратите!.. Я буду кричать!.. Кто вы?!

— Милая моя! Единственная! О! — страстно шептал Корюшкин, пытаясь перехватить ее вторую руку, которой она толкала его в грудь. — Дивная моя!.. Я женюсь, честное слово, женюсь!.. Прекрасная моя!.. О чудное мгновенье!

Корюшкин быстро-быстро говорил, переходя то на высокопарный стиль, то на какое-то суетливое бормотанье с обещаниями завтра же расписаться...

Потом Виктор Андреевич вышел на балкон покурить. Его обдувал ночной ветерок, он курил и смотрел на небо, где не было луны, но очень ярко горели звезды, и он подумал, что звезды в июне очень красивы и как это прекрасно, что на них тоже есть жизнь...

Когда Корюшкин вернулся с балкона, то с удивлением обнаружил, что в комнате никого нет. Виктор Андреевич зажег спичку, огляделся, потом выглянул в коридор, надеясь, что она там, но коридор был пуст. Корюшкин хотел позвать ее, но тут сообразил, что не знает ее имени, и, даже если она где-то рядом и спряталась, непонятно, как к ней обращаться...

— Эй! — негромко позвал Корюшкин. — Эй, товарищ, где же вы?

Вскоре зажегся свет, а ровно в полночь вернулся Монюков. Корюшкин, волнуясь и опуская малозначительные подробности, поспешно рассказал ему все. Он не стал ничего приукрашивать, ибо и правда была настолько невероятна, что он боялся, как бы Монюков его не высмеял. Однако Монюков поверил. Он усмехнулся, задумчиво почесал в затылке и спросил:

— И ты, стало быть, не знаешь, кто это был?

— Понятия не имею!

— Ну, хоть приметы какие-нибудь?

— Какие там приметы? Темно было — хоть глаз коли...

— Толстая? Тонкая?

— Средняя, — подумав, сказал Корюшкин. — Плотная такая... А может, и худая.— Он растерянно заморгал ресницами.

— Так, — подытожил Монюков, — стало быть, ясно, что ничего не ясно? Однако кое-какие приметы все-таки есть... Во-первых, она мажется польской розовой помадой.— Он ткнул пальцем в щеку Корюшкину, и тот, подскочив к зеркалу, обнаружил на левой щеке две розовые полоски. — Во-вторых, — продолжал Монюков, сняв с одеяла длинный светлый волос,— она блондинка! Причем натуральная! Вот так-то, обвиняемый!

— Почему «обвиняемый»? — поморщился Корюшкин. — Не шути так... Лучше скажи, что теперь делать-то?

— А ничего не делать, — зевнул Монюков. — Спать надо. Завтра найдем.

— А вдруг она постесняется подойти?

— Все равно выдаст себя, — уверенно сказал Монюков. — Взглядом, улыбкой... Покраснеет. Тут много нюансов. Сам почувствуешь! Это, старик, флюидами передается...

Утром Корюшкин проснулся рано, принял душ, побрился, тщательно причесался и стал будить Монюкова:

— Сережа! Вставай!.. Пойдем!

— Чего? Куда? — не понял со сна Монюков.

— Найти ее надо... Объясниться...

— Кого? Ах да,— потягиваясь, вспомнил Монюков. — Земфиру твою... Да чего ты спозаранку-то? Ай, Корюшкин! Прямо супермен какой-то... Кто бы мог подумать?

Через полчаса они спустились в столовую на завтрак. Корюшкин шел робко, пугливо оглядывался по сторонам, бессмысленно улыбался и здоровался со всеми женщинами.

— Не суетись! — строго сказал ему Монюков, садясь за стол. — Не зыркай глазами... Ешь спокойно, а когда уж почувствуешь флюиды...

— Да как почувствую?

— Ну, посмотрит она на тебя... По-особому! Ешь!

Корюшкин принялся жевать котлету и тут же почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он резко обернулся и вздрогнул: на него смотрела бухгалтер Вера Михайловна, чей шестидесятилетний юбилей они недавно отметили торжественно у себя в учреждении. Корюшкина прошиб пот, но он все-таки сумел взять себя в руки и улыбнуться.

— Она, что ли? — давясь от смеха, зашептал Монюков. — Ты что, Витя? У нее же внуки в армии...

— Прекрати немедленно!—зашипел Корюшкин.— Прекрати! Что я, рехнулся?.. Это не она... Она помадой не пользуется!

— Все равно смешно.— Монюков вытер слезы бумажной салфеткой.— Сдохнуть от тебя можно... Ну, ну, извини... Не буду. Сосредоточься! Вон там в углу блондинка на тебя посматривает. Тебе интуиция ничего не подсказывает?

Они перехватили взгляды еще нескольких блондинок, Корюшкин всем улыбнулся и всем кивнул, в смысле поздоровался, но в отношении ни одной из них у него не возникло чувства уверенности.

И тут Монюков вдруг резко толкнул его локтем — в столовую вошла Ксения Вячеславовна Волохова, начальник управления при главке. Одета она была в белый летний костюмчик, ее светлые волосы, как всегда, были уложены пучком сзади, она благосклонно кивала сотрудникам, чуть улыбаясь своими тонкими губами, слегка прикрытыми розовой помадой...

— Ну, что? Она?

Корюшкин не отвечал, а только смотрел на Волохову завороженным взглядом, и она тоже посмотрела на него, и даже дольше, чем на других, и улыбнулась...

— Ну? Она, что ли? — не унимался Монюков.

— Каж-ж-ется! — сказал Корюшкин, и его зубы забили дробь о край стакана.

— Вот это да! — многозначительно присвистнул Монюков. — Это ты, старик, зря... Начальство в этом смысле лучше не трогать!.. Ну, ну спокойней!— добавил он, видя, что лицо Корюшкина приобретает бледно-сиреневый оттенок. — Ничего страшного... Она тоже человек. Как говорится, закон природы, взрыв страстей: ты — фавн, она — пастушка!.. Да успокойся же!

Корюшкин не мог успокоиться и становился все сиреневей и сиреневей. Если себя он и мог в какой-то мере признать фавном, то Ксения Вячеславовна была уж абсолютно не пастушкой, а начальником управления, и ее строгий суховатый голос приводил в трепет людей поважнее Корюшкина.

— Да не смотри ты на нее так, — шептал Монюков. — Это ж неприлично!

— Выйдем отсюда! — упавшим голосом сказал Корюшкин. — Мне что-то нехорошо...

— Пойдем, пойдем.— Монюков поддержал шатавшегося Корюшкина и осторожно повел его через столовую. — Держись, старина... Ох, господи, что ж ты с таким-то здоровьем на баб бросаешься?

— Я не бросаюсь, — жалобно перебил Корюшкин.

— Бросаешься! Бросаешься! — неумолимо говорил Монюков.— И в этом вообще ничего страшного нет, если соображать на кого... Но, с другой стороны, Волохова не тот человек, который слабеет в темноте... Ты же знаешь ее характер. Помнишь, Игнатьева за аморалку с работы вытурила с такой характеристикой, что он год уже не может устроиться...

Корюшкин застонал.

— Погоди ныть-то! — строго сказал Монюков. — Может, и не она... Эх, черт, зря я волос выкинул, могли бы сверить... Но даже если и она, все тоже не так страшно: в темноте она тебя могла и не признать.

— Я жениться обещал.

— Вот это уже совсем пошло, — поморщился Монюков. — Тоже мне — подарок судьбы! На кой ты ей нужен, у нее муж — адмирал.

Корюшкин снова застонал и обхватил голову руками.

— Надо пойти к ней, — быстро заговорил он. — Пойти выяснить... Если что, чистосердечно извиниться... Так, мол, и так! Простите! Я не хотел.

— Что значит «не хотел»? — строго спросил Монюков. — Думай, что говоришь-то! Она все-таки женщина и очень даже пикантная... Такого врага себе наживешь, не дай бог!.. Впрочем, и друзьями вам теперь трудно оставаться... М-да! Положение щекотливое...

— Она мне тоже характеристику должна подписать, — почему-то вдруг вспомнил Корюшкин. — Мы с Нинкой заявление на Варну подали...

— Погоди ты с Варной, — отмахнулся Монюков.— Не до Варны сейчас! Одно ясно: молчать тебе надо!.. Никаких намеков. Ты не в курсе! Пока сама не даст знать... А уж если даст, тогда другое дело... Тогда оказывай внимание. С ней, старик, нельзя: поматросил и бросил... Не тот человек!

Он вдруг осекся — прямо к их скамейке медленно шла Ксения Вячеславовна.

— Сидите, товарищи, сидите, — величественно сказала Волохова вскочившим мужчинам и сама села на скамью. — Как отдыхаете?

— Спасибо, хорошо, — быстро ответил Монюков. — Просто исключительно!

Возникла пауза. Разговор не получался.

— Вечер вчера был теплый, — сказала Волохова и посмотрела на Корюшкина. Корюшкин побледнел и вдруг выпалил:

— Не помню!

Волохова удивленно вскинула брови, а Монюков с силой придавил ногу Корюшкину, но тот не мог остановиться:

— Не помню! Ничего не помню! — почти выкрикнул он.— Пьян был в стельку! Я, когда выпью, ничего не соображаю! Хоть стреляй в меня! Вот так! Вот я какой!

Волохова наморщила лоб, и ее глаза сделались маленькими и холодными.

— Пить нехорошо! — строго сказала она. — А хвастать этим и подавно!

— Абсолютно верно! — поддакнул Монюков.

Корюшкин опустил голову и молчал.

— Ну, ладно, товарищи, не стану вам мешать.— Волохова встала со скамейки и медленно пошла по аллее...

— Ненормальный! Что ты разорался? — налетел Монюков на Корюшкина.— Чего тебя вдруг понесло?.. «Пьяный, пьяный»...

— Домой хочу! — обреченно сказал Корюшкин. — Домой, немедленно.

— Погоди паниковать! Может, и не она...

— Все равно. Хочу домой! — Корюшкин так быстро зашагал к корпусу, что Монюков еле за ним поспевал. — Черт меня дернул сюда приезжать! Сидел же дома, все хорошо — и на тебе!.. А эта Волохова тоже хороша. Небось, дача собственная есть, так нет, надо с коллективом на отдых... Демократизм проявляет, мерзавка! А люди за нее отвечай! — Он ворвался в комнату и стал швырять в чемоданчик рубахи. — А я не боюсь! Ничего она мне не сделает... А с работы я и сам уволюсь... «По собственному желанию, в связи с переходом», и адмиралом меня пугать нечего! Адмирал — он в море адмирал, а мне он не адмирал...

Он долго ехал в душном автобусе до станции, потом час курил в тамбуре электрички, потом троллейбусом доехал до дома, открыл дверь, прошел в спальню и, не раздеваясь, рухнул на постель... Нина не вышла к нему, она гремела на кухне кастрюлями, и Корюшкину вдруг страшно захотелось пойти к жене, рассказать ей про все, посоветоваться... Но он понимал, что это невозможно, и оттого еще больше ощущал себя несчастным и бесконечно одиноким человеком.

Татьяна ШАБАШОВА

ВОЙНА ПОД ГРАДУСОМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой генерал еще ничего не знает

Отставной генерал Жюль де Фрикадель неторопливо завтракал в уютной мансарде, когда в глазах у него вдруг потемнело: в дверях, заслоняя солнце, выросла его жена.

— Жюлик! — выдохнула подруга жизни, всем своим видом выказывая беспокойство.— Тебя к телефону!

— Мм-еня? — заглатывая манную кашу, едва не подавился де Фрикадель, уже давно устранившийся от суеты сует и не вызываемый ни по каким делам.— Кто?!

— Какой-то тип! — заколыхалась жена.— Иди скорей, он сказал: «Срочно!»

Де Фрикадель устремился к аппарату.

— Мон женераль! — застрекотал в трубке взволнованный голос.— Срочно приезжайте! Нужны ваши услуги отечеству!

— Что такое? — затрепетал старый вояка.— Война?!

— Война, мон женераль! Война!

— Но нужны, наверное, ракеты, танки? А я от инфантерии!

— Сгодится! — закричали на другом конце провода.— Главное, поскорее, мон женераль! Не копайтесь! А ля герр ком а ля герр!

— Куда ехать? — наполняясь патриотизмом, вскричал генерал.

— В министерство сельского хозяйства!

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой кое-что уже начинает проясняться

Не успел де Фрикадель переступить порог министерства, как его оглушило. Кругом шумели и галдели так, как сорок тысяч братьев галдеть не могут. Подхваченный горячим человеческим потоком, генерал пронесся сквозь длинный министерский коридор и на чьих-то плечах ворвался в обширный зал. Здесь было битком набито народу и на трибуне надрывался вдохновенный оратор.

— Мы должны обуздать зарвавшихся английских фермеров! — орал оратор.— Они, видите ли, протестуют против ввоза наших кур и яиц! Они объявили нам куриную войну! Требуют, чтобы мы снизили цены! Но это же курам на смех! На все цены растут, а мы будем снижать?! Отбить петушиные наскоки британских эгоистов — святой долг сообщества!

— Какого сообщества? — спросил генерал у стоявшего вплотную бородача.

Тот посмотрел на него дикими глазами.

— Вы что, папаша, недоспали? Европейское сообщество. Общий рынок. А грызня из-за цен.

Генерал поморщился. Он достаточно наслушался о росте цен от своей жены, чтобы еще слушать здесь. Его пригласили сюда как полководца!

Он пустил в ход локти и пробил себе дорогу к выходу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой содержится суть дела

— Садитесь, мон женераль! — приветствовал де Фрикаделя начальник департамента виноделия Жан де Стеклотарр.— Ах, какая может быть ля ви? — грустно отвечал он на вопрос генерала: «Как жизнь?» — Ни минуты покоя. То то, то другое. А сейчас эти итальянцы! Они объявили нам винную войну!

— Забыли уроки истории! — вскипел старый вояка.— Ну да ничего, я им напомню!

— И поделом им будет! — подхватил де Стеклотарр.— Пусть знают, как наводнять нашу страну своим паршивым, пардон, винишком. Вы не представляете себе, мон женераль, что происходит. Наши виноделы разоряются, нервничают, ну и... проникают в магазины, бьют бутылки, крушат бочки с итальянским вином. Лужи, реки вина текут вдоль улиц! Поверите ли, от винного духа пьяные кошки и собаки валяются под заборами, как люди! Ну куда это годится?!

— Мы отомстим врагу! — грозно пробасил де Фрикадель.— Я брошу наши славные полки стремительным маршем на виноградные части противника!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой начальник департамента виноделия прямо не знает, как быть

— Карту Апеннин! — браво скомандовал генерал.— Надо изучить театр военных действий! Вы помните, мой друг, что, по выражению Клаузевица, «Наполеон знал Апеннины, как собственный карман»?

— Вот именно, мон женераль, собственный карман! Это очень важно! Мы не можем допустить, чтобы наш карман... гм... полегчал, ву компрене? Министры сельского хозяйства «Зеленой Европы» без конца заседают, все пытаются разрешить проблему сбыта излишков вина. Увы, антер ну, скажу вам по секрету: все без толку!

— Надеяться можно только на силу штыка! Ту-ру-бум-пум! — проурчал генерал куплет старого военного марша.

— Но в винный скандал,— добавил де Стеклотарр,— вмешалась также Англия! Да, да, представьте себе, Англия, которая даже не входит в число основных производителей вина в Европейском экономическом сообществе. Англичане для изготовления своих вин покупают виноградный сок и сусло на стороне! Вне Общего рынка!

— И вы это терпите?! — вскричал генерал.— Да мои гвардейцы проткнут их бочки штыками! Покупать сусло на стороне! Ну нет, это им так не пройдет! Я форсирую Ла-Манш и высажу на Британских островах вооруженный десант!

— Ах, мон женераль,— забеспокоился де Стеклотарр.— Десанта, пожалуй, не надо. Еще дойдет до ООН, начнутся санкции! Давайте как-нибудь помягче.

— Я могу предложить артналет через Ла-Манш. Цистерны с вином можно изрешетить шрапнелью!

— Боюсь, и это слишком, мон женераль. Может быть, нам помогут гусеницы?..

— Бросить танки на их виноградники?

— Нет, не совсем то, мон женераль. Гусеницы, но не танковые...

— А какие же?

— Мохнатенькие!

— И вы пригласили меня сюда...— побледнел генерал,— чтобы поручить командовать сороконожками?!

— Вы меня не так поняли, мон женер...

— Еще одно слово, и я убью вас!! Клянусь тенью Клаузевица!!! — взревел старый вояка и, сокрушая все на своем пути, выбежал из министерства сельского хозяйства.

— Ты успел как раз к обеду, мон ами! — похвалила его жена.

Проблема «винной войны» — в который раз! — не была решена.

КРАСНАЯ УГРОЗА

— Кар-р-раул! Тучи сгущаются...

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Он еще и пел к тому же...

Благодаря издательству «Ильмгау» западногерманский книжный рынок, и без того набитый до отказа воспоминаниями о бесноватом фюрере, пополнился еще одной из ряда вон выходящей новинкой: о пристрастии фюрера к вокалу!

Об этом хобби Гитлера пространно свидетельствует Пауль Девриент, в свое время знаменитый оперный певец, не поленившийся, прежде чем удалиться в мир иной, сочинить мемуары «Мой ученик Гитлер».

Оказывается, еще в 1932 году Гитлер брал у Девриента уроки пения, а заодно и актерского мастерства.

Воспоминания Девриента высоко оценил, казалось бы, далекий от вокала журнал «Веркунде» («Военная наука»). По разъяснению «Веркунде», уроки у оперного певца должны были «закалить целеустремленность» фюрера.

Чем закончилась эта музыкальная история, общеизвестно. Гитлер прекрасно спелся с германским генералитетом и банковскими тузами. Затем он взял тошнотворно - пронзительное «фа» и сорвался. От огорчения он забился в бункер с довольно скверной акустикой и, поняв, что его песенка спета, прополоскал горло порцией крысиного яда...

Лучше разбиться с деньгами...

Дорожные катастрофы всегда опустошали население США ничуть не меньше, чем войны. Чтобы сократить число водителей, безвременно «уезжающих» в мир иной, власти запретили езду на автомобилях, не имеющих блокирующего устройства, которое не позволяет завести мотор, пока водитель не пристегнется ремнями к сиденью. Появилась надежда, что теперь меньшее число американцев отправится на своих личных автомобилях в последний путь.

Но в недавние годы появился грозный противник этого полезного нововведения — инфляция. Оборудование по обеспечению безопасности стоит больших денег. Американцы, которые обзавелись автомобилями в 1974 году, в дополнение к стоимости самих машин приплатили за всю эту музыку около трех миллиардов долларов, что переполнило чашу терпения даже очень дисциплинированных водителей. Протесты против защитных устройств настолько заглушили треск автомобильных катастроф и печальный шум панихид, что конгресс вынужден был отменить предписание об обязательной установке в автомобилях блокирующих устройств. Водители, руководствующиеся принципом «Лучше разбиться с деньгами, чем ездить по этому свету с пустым кошельком», победили.

Журнал-наводчик

Выступления выходящего в Аргентине еженедельника «Каудильо» обладают удивительной действенностью. Стоит только журналу кого-нибудь покритиковать, как через некоторое время раскритикованного сражает пуля, посланная чьей-то жестокой, хорошо тренированной рукой.

Долго люди ломали голову, пытаясь как-то объяснить причину столь загадочной и роковой закономерности. Наконец, недавно руководитель партии Гражданский радикальный союз Рикардо Бальбин внес в этот вопрос необходимую ясность. Он публично заявил, что между еженедельником «Каудильо» и террористической группировкой «Антикоммунистический альянс Аргентины» существует тесная связь. Журнал печатно доносит на порядочных, демократически настроенных людей, а бандиты из «AAA» их казнят.

Американские бизнесмены всячески стараются скрыть истинную сумму доходов, чтобы платить меньший подоходный налог.

— Какую прикажете подать машину, сэр?
— Велосипед: я еду в налоговое управление...

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Как сокрушить квартиранта

Взаимоотношения собаки и кошки — райская идиллия по сравнению с отношениями между американским домовладельцем и его квартирантами. Даже самая агрессивная собака не в состоянии спустить с кошки более одной шкуры. Домовладелец же готов слупить три. Квартирант, естественно, сопротивляется и норовит уклониться. Тогда на сцене появляются полиция, судебные исполнители, рыдают дети, летают чемоданы, и вообще ситуация наливается грозовым трагедийным соком.

Недавно один домовладелец подсчитал кое-что с карандашом в руках и решил больше не беспокоить квартирантов раздражающими напоминаниями.

Итак, уважаемые леди и джентльмены, берется обыкновенный многоквартирный дом и без лишних слов и размышлений... Что? Совершенно верно. Сносится. Целиком, включая фундамент. Вот так, господа. И, будьте любезны, отойдите-ка в сторонку. Здесь будет автомобильная стояночка, содержать которую куда выгоднее, чем дом с неплатежеспособными жильцами.

Это необыкновенное высоконаучное открытие недавно имело место на маленькой, скромной нью-йоркской улочке под названием Уолл-стрит. Метод оказался удивительно надежным, простым и соответственно гениальным. Исчез 30-этажный дом, и возникла автостоянка.

480

Безмен Фемиды

Непонятно? Разберемся спокойно, и вы увидите, что нагромождение пятен обретет некий смысл. Итак, слева вверху белеют пальцы полицейского. На пальце висит безмен. На коротком плече безмена болтается мешочек с чем-то белым. Справа вверху — нагрудная бляха лос-анджелесского полицейского. Справа внизу — пуговица на мундире. Итак, кое-что прояснилось, не правда ли? Осталось уразуметь, что и для чего он взвешивает.

На этот вопрос с исчерпывающей ясностью отвечает американская газета «Геральд трибюн интернэшнл». С первого января 1976 года в Лос-Анджелесе полицейским выданы карманные весы для взвешивания наркотиков, обнаруженных в карманах граждан. Если «травка» тянет меньше унции, плати на месте штраф, больше — извольте под суд, сэр.

ПО СТРАННЫМ СТРАНИЦАМ

Черепками по Конфуцию

Гонконгский бюллетень «Чайна ньюс анализис» рассказывает о новостях культурной жизни КНР.

Несколько лет назад, пишет бюллетень, в Китае были закрыты журналы «Философские исследования», «Экономические исследования», «Народная музыка», «Литература», «Театр», «Китайский язык», «Китайская молодежь», «Археология» и ряд других.

Перед кончиной они отчаянно пытались спастись, обильно уснащая свои страницы угодной хунвэйбинам критикой и самокритикой. Журнал «Народная музыка» осудил некоего Ли Лина за то, что он превозносил Девятую симфонию Бетховена и «Аве Мария» Шуберта. Редакция журнала «Театр» произвела психоанализ своих прошлых буржуазных ошибок. Журнал «Китайский язык» скорбел по поводу того, что он напечатал статьи о западной лингвистике.

Самобичевание не помогло, все равно закрыли...

И вот прошло немало времени. Пока что вновь народился только журнал «Археология». Археологию, казалось, можно считать максимально удаленным от сегодняшней политики предметом. Но нет! В № 3 за 1975 год передовая статья была озаглавлена «Необходимо осуществлять всестороннюю диктатуру над буржуазией в области археологии». В статье говорилось: «Археологические материалы нужно использовать для пропаганды достижений великой культурной революции и для разоблачения реакционного характера Линь Бяо и Конфуция».

Чем-чем, а доисторическими черепками Конфуция и Линь Бяо, кажется, еще не били!

ПРОИСШЕСТВИЯ

Знакомая игрушка

Мистер Коламбас Джоунс и его жена из города Хэтисберг, штат Миссисипи, оставили в машине своего сына трех лет и двухлетнюю дочку и отправились за покупками. Когда они вернулись, девочка была мертва. Брат убил ее выстрелом из пистолета, который родители держали в машине.

Ребенок, очевидно, принял пистолет за знакомую игрушку.

Рекорд сквозь слезы

Мировой рекорд буквально сквозь слезы был поставлен на рынке в Берне (Швейцария): 18-летний ученик повара Конрад Герстер за 51 минуту очистил 17 кг 740 г лука. Тем самым он превзошел на 900 г прежнее достижение, принадлежавшее его соотечественнику Антону Одерматту. Сколько слез пролил каждый из рекордсменов, пресса не сообщает.

Вл. МИТИН,
специальный корреспондент Крокодила

оропясь как-то утром на службу, предзавкома тов. Ю. Михайлов завидел в турникете проходной тов. И. Пилягина, замначальника отдела снабжения завода «Электроприбор». Вид снабженца был экзотичен: поверх костюма накинуто не то рубище, не то саван, взор блуждал. Поскольку правая рука была протянута далеко вперед, тов. Пилягин не мог выйти из рогаток, вращаясь вокруг турникетной оси.

— Что с вами? — бережно спросил предзавкома, выводя тов. Пилягина за протянутую руку из коловращения.— Идите домой и лягте, мы принесем вам фрукты.

— Какой дом, какие фрукты? — простонал снабженец, вновь вытягивая руку в пространство.— В храм, в кафедральный собор!..

«А трезвым ли является товарищ Пилягин? — пронеслась в голове председателя заводского комитета вполне логичная мысль.—Навроде бы от него не пахнет алкоголем».

— На паперть! — чувственно выкрикнул замначальника ОТС. — Ввиду создавшегося материального положения...

И тов. Пилягин, припадая вдобавок на левую ногу, устремился враскачку к выходу, но был сдержан твердой, товарищеской рукой предзавкома. Впрочем, не успел тот подтащить отчаянно упиравшегося снабженца обратно к турникету, как из рогаток выскочили сам начальник отдела снабжения тов. И. Поднебеско и другой его зам, тов. И. Крылов. Их видик был еще более фантастичен. Главы снабженцев были посыпаны каким-то прахом, один держал суму, другой имел через плечо заплатанную торбу.

— Баста! — воскликнули оба.— В пригородную электричку! Пода-а-айте копеечку... В связи со сложившимся состоянием здоровья...

Сцена эта представилась тов. Михайлову столь страшной, что он дважды пребольно ущипнул свое туловище. Ай! Ай... Никакого результата. Столь наяву жужжало и туктукало предприятие, столь зримо поспешал к своим рабочим местам коллектив... А три его члена, со средними заработками в триста рублей, были готовы к испитию чаши позора!

Ах, не ведал еще тов. Михайлов, что буквально над его головой, в приемной директора, разыгрывался еще один акт финансово-жизненной драмы. Также не знали об этом ничего директор завода тов. Сериков и главный инженер тов. Лифшиц. Оба решали себе вопросы в кабинетах, расположенных друг против друга, а в приемную входил старший инженер все того же ОТС тов. Кречетов. Он открыл директорскую дверь и, встав на колени, тем же макаром подполз к товарищу Серикову.

— Погибаю от безденежья,— прошелестел тов. Кречетов.— Ухожу за милостыней на базары и рынки в связи с обострившимся семейным положением...

Вслед за сим тов. Кречетов так же на коленях перебрался в кабинет главного инженера, где заявил о намерении просить на вокзалах и пристанях вследствие усложнившихся материальных условий.

Дальше — больше. Начальник цеха товарищ Лаврушкин Б. А. пообещал достать сани, обжечь их и двинуться по селам для сбора на «погорелое место». Замначальника отдела тов. А. Калашников пригрозил обзавестись искусственным глазным бельмом и деревянной ногой, а старший мастер Белов В. Н. надумал собирать доброхотные подаяния граждан прямо в парке культуры! Эпидемия косила итээровцев, подобно черной оспе, и к вечеру председателю завкома даже примерещилось, что в зале заседаний хором разучивалось нечто совсем уж ужасное: «Слепым я рродился, слепым и помру, одну лишь копейку у вас я прррашу!..»

И когда старший диспетчер тов. А. Г. Захаров уже выхрамывал из завода в худых лаптях, опираясь на посох, было найдено средство.

— Вы только посмотрите, Юрий Михайлович,— сияя, говорил директор профлидеру,— как срабатывает! Он к нам, бац, с воззванием о помощи и с угрозой пойти нищенствовать, а мы ему — рраз, денежки. Взять хотя бы Поднебеско: средний заработок — триста пятьдесят целковых. Десять раз взывал, и каждый раз мы его сами удовлетворяли. Без малого тыщонку ему подали...

— Ни Калашникова попрошайничать у чужих людей не пустили,— подтверждал, блаженно щурясь, профлидер,— ни Пилягина на паперть, ни равно Крылова... А ведь по скольку раз они к нам обращались! По семь и по восемь. Тому же Кречетову в один день вы с главным инженером сто тридцать «рябчиков» подбросили!

— А что мы им подали в целом?

— В сумме сорок семь тысяч триста рублей,— уважительно молвил тов. Михайлов.— А как секретарш и личных шоферов удовлетворили? Класс. Стратегия! Оплатили, как за выполнение особо ответственных заданий...

И долго еще сидели директор и предзавкома, благодушествуя и считая подачки, выделенные подопечным итээровцам. Разумеется, скребли на душе у товарища Михайлова, как говорится, отдельные кошки. Где-то нутром, интуитивно понимал он, что профсоюз заводской мало-помалу превратился, так сказать, в ускоренные курсы попрошайничества. Да и товарищ Сериков не чувствовал себя полностью безоблачно. То и дело возникал на его душевном горизонте смутный образ остального заводского персонала... Впрочем, до особых ли было размышлений, коль скоро валили валом к директору итээровские просители, просители? На полста тысяч одних просителей...

* * *

Я приближался к турникету, сделав ладонь лодочкой и напевая гнусный куплетик: «А жил-был великий писатель, а граф Лев Николаич Толстой!.. Ни хлеба, ни мяса не кушал, характир имел он простой...»

— Вы куда, молодой человек? — благожелательно спросил меня из своей избушки вахтер «Электроприбора».

— «Подайте, подайте, граждане! — на всю проходную запел я.— Я сын незаконный его...»

— Так-так,— с пониманием кивнул седою главою вахтер.— А вы кто непосредственно будете, из ИТР или от станка?

— Рабочий,— приукрасился я для пущего результата,— пролетарий журналистского цеха...

— Тогда и не просите. Не подаем.

— Как? — ахнул я.— Или тов. Сериков с тов. Михайловым разорились? Ужель вышли сами сбирать?

— Да нешто они из своего кармана подают? — степенно разъяснил вахтер.— Ведь это они фонд материального поощрения раздают...

— Тогда тем более! — запротестовал я, стремясь проползти на коленях под рогатками турникета.

Но вахтер оказался ловчей меня и резво упредил мое низменное вползание на заводскую территорию.

— Ты допрежь попрошайничать научись! — сатирически заметил он, выволакивая тело мое из проходика.— А то заладил «я сын незаконный...». Ты в итээры к нам поступи, заработок в двести рубликов минимально обрети. Тогда, возможно, подадут, окажут...

И тут уже в моей голове пронеслось вполне резонное соображение: является ли все здесь логичным? Ведь, согласно Положению о фонде материального поощрения, львиную часть его должны получать рабочие... А тут все наоборот. Итээровцы «выбили» себе в четыре раза больше того, что им положено! И тогда, чтобы не уйти с пустыми руками восвояси, я сознался вахтеру, что обманул его. Ввел, грубо говоря, в заблуждение. Что на самом деле можно меня отнести хотя бы к разряду секретарш или персональных шоферов.

— В таком разе,— смягчился заводской страж,— ступай и изложи просьбу в надлежащем виде. Сформулируй, как следует быть, как наши итээровцы пишут: мол, так и так, гибну в связи с материальным положением... Или, на худой конец, за особо важное задание испроси. И главное, письменно излагай, слышишь? А еще того лучше — печатно.

«Что же,— подумал я, ступая прочь,— печатно так печатно».

г. Тамбов.

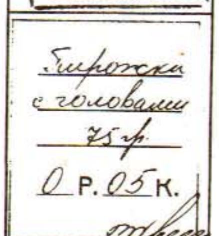
Объявление
Кто застраховал свою жизнь, получите „полюса" у Фроловой Н. Т. (табельщик)

Прислал А. Гусев, г. Кирс, Кировской обл.

«ВНИМАНИЮ МОТОЦИКЛИСТОВ

МИНСКАЯ БАЗА ГЛАВКООППОСЫЛТОРГА ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ ОТ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЗАПАСНЫЕ ЧАСТИ К МОТОЦИКЛИСТАМ».

Газета «Реклама», г. Вильнюс.

Стерлитамакский трест столовых
СТОЛОВАЯ № 22
Пирожки с головами
75 г
0 р. 05 к.

Прислала И. Сафонова, г. Стерлитамак.

«Справка
Дана Брыловой в том, что она по состоянию здоровья в общественном месте может вращаться».
(Справка выдана медпунктом металлургического завода им. Кирова).

Прислал В. Загребин, г. Кулебаки.

«Все эти недостатки на консервном заводе железобетонных конструкций имеют наличие...»

Газета «Чарджоуская правда».

Станислав РОДИОНОВ

А вы паритесь?

Рассказ

Не знаю почему, но никто из моих знакомых не ходит в баню. Не модно. В ваннах моются. Хотя люди приличные, интеллигентные и даже один работает биоником. Моя жена считает, что от этой самой бионики человечество и возгордилось. Мол, НТР, АСУ, кримплен — и вдруг средневековая баня.

Однажды мой сосед, крупный специалист по внеземным цивилизациям, спросил меня в автобусе:

— Как провели субботу?

— Был в бане,— признался я.

— Над какой проблемой работали?

— В бане был,— повторил я, удивившись, что даже работу над своим телом он именует «работать над проблемой».

— Я и спрашиваю: над какой проблемой трудились?

— Так все над той же, над вечной,— хихикнул я,. имея в виду вечную пыль.

— Не инопланетными ли пришельцами занимались? — оживился сосед.

— Пришельцы были, но из другого района,— сообщил я, ничего не понимая.— Бань-то теперь мало строят...

— Я говорю о БАНе, Библиотеке Академии наук,— подозрительно глянул на меня сосед.— А вы про что?

— А я говорю про баню, которая не от Академии наук.

— А от кого? — засверлил он меня глазами, как инопришельца, свались тот случайно на Землю.

Я уже начал злиться, поэтому забыл, какого бани министерства. Наверняка не просвещения и вряд ли тяжелой промышленности.

— Обыкновенная баня, с мочалкой...

Он вытащил книгу «Есть ли жизнь ТАМ?». Я перестал для него существовать, как лысый веник для парильщика.

— Интересно, а есть бани ТАМ? — спросил я и вышел из автобуса.

Возможно, сосед и мои знакомые правы. «Жигули», цветные телевизоры, бадминтон, дубленки — и вдруг человек с веником. Лайнеры, транзисторы, круизы, макси, пневмонии — и вдруг по улице идет человек, у которого не лицо, а только что отваренная колбаса.

Поэтому я начал скрывать, что хожу в баню.

Упаковав веник в громадный кулек — мог человек купить пять килограммов печенья,— я сказал дочке-первокласснице:

— Лена, если будут звонить по телефону, не говори, что я в бане.

Попарился я чудесно, до умопомрачения. Даже носки забыл. Вернувшись домой, спросил Ленку:

— Никто не звонил?

— А как же... Какой-то Семен Семенович.

— Про баню не сказала? — насторожился я: Семен Семенович был моим начальником.

— Конечно, нет,— достойно ответила дочка, безмятежно разглядывая мою обваренную физиономию: — Я сказала, что папа взял веник и пошел в филармонию.

г. Ленинград.

ПОДХАЛИМ

Перед начальственной ногой
Он изгибается дугой.

ПРОГУЛЬЩИК

Гулять да пить — его девиз,
И тянет он кривую вниз.

В нашем цехе

ШЕРШАВЫМ ЯЗЫКОМ ПЛАКАТА

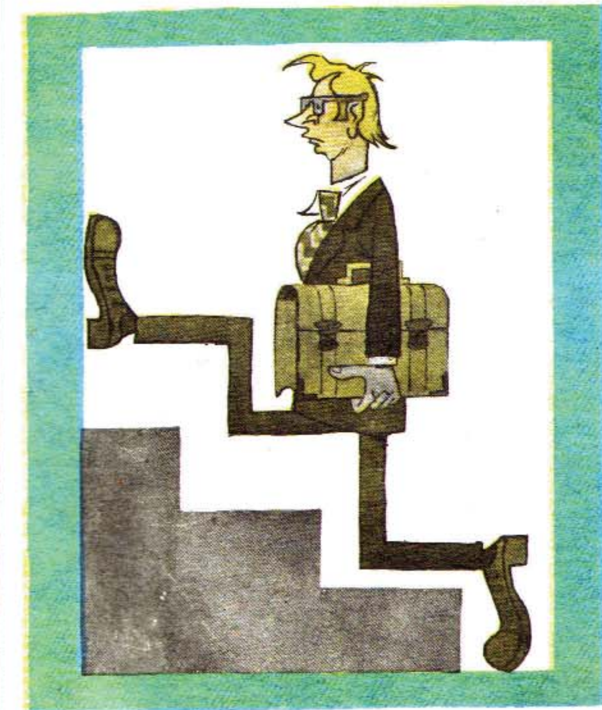
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЛАКАТ» ЕЩЕ ОЧЕНЬ МОЛОДОЕ, НО ЕГО ПРОДУКЦИЯ УЖЕ ДОСТАТОЧНО ХОРОШО ИЗВЕСТНА. НА ЗАВОДСКИХ И КОЛХОЗНЫХ СТЕНДАХ, НА СТРОЙКАХ И В УЧРЕЖДЕНИЯХ, НА ФАБРИКАХ И В ИНСТИТУТАХ — ВЕЗДЕ, ГДЕ БУРЛИТ ЖИЗНЬ, РЕШАЮТСЯ ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА, ВОСПИТАНИЯ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА, МОЖНО УВИДЕТЬ БРОСКИЕ, МНОГОКРАСОЧНЫЕ ПЛАКАТЫ ЭТОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

СРЕДИ НИХ ЗАСЛУЖЕННОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ ПОЛЬЗУЮТСЯ САТИРИЧЕСКИЕ ПЛАКАТЫ. И ЭТО НЕ УДИВИТЕЛЬНО. ЯРКАЯ ОБРАЗНАЯ ФОРМА — «ШЕРШАВОГО ЯЗЫКА ПЛАКАТА» ПРИВЛЕКАЕТ ВНИМАНИЕ ШИРОКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ К ФАКТАМ БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТИ И РАСТОЧИТЕЛЬСТВА НА ПРОИЗВОДСТВЕ, НЕПРОДУМАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА, ПОМОГАЕТ ЕДКО ВЫСМЕИВАТЬ МОРАЛЬНЫХ УРОДОВ.

САТИРИЧЕСКИЕ ПЛАКАТЫ В ОСНОВНОМ ИЗДАЮТСЯ В ВИДЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКТОВ (КАЖДЫЙ СОСТОИТ ИЗ 12 ЛИСТОВ), ПОСВЯЩЕННЫХ ОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОБЛЕМАМ, И РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ ПО ПОДПИСКЕ. ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ МАССОВЫМИ ТИРАЖАМИ РЯД ПОДБОРОК ПО МАТЕРИАЛАМ НАРОДНОГО КОНТРОЛЯ И КОМПЛЕКТЫ, РАЗОБЛАЧАЮЩИЕ АНТИПОДОВ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ.

АВТОРЫ САТИРИЧЕСКИХ ПЛАКАТОВ—ИЗВЕСТНЫЕ САТИРИКИ-ХУДОЖНИКИ КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), И. СЕМЕНОВ, Б. ЕФИМОВ, А. КАНЕВСКИЙ, Ю. ЧЕРЕПАНОВ, М. АБРАМОВ, Н. ЛИСОГОРСКИЙ, И. СЫЧЕВ, Б. СТАРЧИКОВ, Г. АНДРИАНОВ, Е. ГУРОВ, Л. САМОЙЛОВ, А. КРЫЛОВ, В. ФОМИЧЕВ, ПОЭТЫ С. МИХАЛКОВ, С. СМИРНОВ, М. ВЛАДИМОВ, М. РАСКАТОВ.

НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ МЫ ПОМЕЩАЕМ ПЛАКАТЫ ИЗ СЕРИИ «СОРНЯКИ» ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВ РСФСР М. АБРАМОВА. СТИХИ К НИМ НАПИСАЛ СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ.

КАРЬЕРИСТ

Он лишь одной привержен вере —
Многоступенчатой карьере.

«КУЛЬТУРТРЕГЕР»

Он не поет, а поп-горланит
И этим слух людей тиранит.

Самуил Абрамович РЫЖАК

После продолжительной тяжелой болезни скончался Самуил Абрамович Рыжак, сатирик, фельетонист, активно сотрудничавший в «Правде», «Крокодиле», «Комсомольской правде», человек большой душевной щедрости и партийной непримиримости к недостаткам.

Более тридцати лет своей жизни Самуил Абрамович отдал нашим Вооруженным Силам. Он участвовал в боях с белофиннами. В Великую Отечественную войну прошел путь от Москвы до Варшавы. Полковник в отставке, Рыжак награжден боевыми орденами и медалями.

В сатиру коммунист Самуил Рыжак пришел, когда за его плечами была большая, честно прожитая жизнь. Со всей страстностью и молодым задором отдался он новому делу и в каждое свое выступление в газете, в журнале вкладывал весь опыт и талант.

Память о С. А. Рыжаке навсегда сохранится в сердцах всех, кто его знал.

«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ТАЙНА»

В одноименном фельетоне К. Селиневича («Крокодил» № 19, 1975 год) были подвергнуты критике за волокиту при расследовании дел на злостных браконьеров органы милиции Алма-Атинской и Талды-Курганской областей.

Как сообщил редакции исполняющий обязанности министра внутренних дел Казахской ССР тов. А. Жданов, фельетон обсуждался на оперативном совещании министерства, где были намечены меры, исключающие подобные случаи. Упомянутые в фельетоне виновные лица привлечены к административной ответственности.

Ответы на критику прислали также начальник УВД Алма-Атинского облисполкома тов. С. Чукмаитов и начальник УВД Талды-Курганского облисполкома тов. Д. Токпанов. Они сообщили, что начальнику Карательского РОВД тов. П. Маслову и заместителю начальника Андреевского РОВД тов. К. Казиеву объявлены выговоры. Начальник следственного отделения Талгарского РОВД Сахаров переведен на другую работу. Лейтенант милиции Черный освобожден от обязанностей следователя.

Уголовное дело на А. Сафьянова, К. Арыстанбекова, К. Курманбекова и Т. Когай закончено. Судом на них наложены штрафы. С браконьера А. Гранкина взыскан причиненный им ущерб в размере 2342 руб.

Лейтенант милиции А. Краузе, избивший общественного рыбинспектора, народным судом осужден к двум годам лишения свободы.

Всем горрайотделам внутренних дел даны указания о своевременном расследовании материалов на браконьеров и усилении прокурорского надзора по делам этой категории.

«ИНЦИДЕНТ В АГЕНТСТВЕ»

Кассирша Каменск-Шахтинского транспортно - эксплуатационного агентства А. Куликова отказалась выдать посетителю билет, заранее заказанный им на автобус междугородного сообщения, только потому, что тот пришел в неудобное для нее время — не с утра, а под вечер. Тем не менее она была признана лучшим работником агентства и награждена почетной грамотой. Этот курьезный случай лег в основу фельетона С. Бодрова «Инцидент в агентстве» («Крокодил» № 29, 1975 год).

Заместитель председателя Ростовского облисполкома тов. В. Лаврентьев сообщил редакции, что статья была обсуждена на заседании совета производственного объединения «Росттрансагентство» и признана правильной. Советом объединения разработаны мероприятия по улучшению контроля за подведением итогов социалистического соревнования.

За неправильное подведение итогов соцсоревнования и нарушение правил рассмотрения жалоб, предложений и отзывов начальнику Каменск-Шахтинского трансагентства тов. А. Ершову объявлен выговор.

«НАМЕК»

Ивановская база треста «Верхневолжсксельэлектросетьстрой» ждала от московской базы треста «Энергостройкомплектзапчасть» вкладыши для бурильно-крановых машин. Кроме долгожданных вкладышей, в двух присланных ящиках оказались пустые консервные банки, куриные кости, хлебные крошки и прочие пищевые остатки. Об этом рассказывалось в заметке «Намек» (№ 28 «Крокодила» за прошлый год).

Управляющий трестом «Энергостройкомплектзапчасть» тов. А. Костюченко сообщил редакции, что директору московской базы тов. В. Карпухиной объявлен выговор. За некачественную сортировку упаковочного материала при отправлении вкладышей для треста «Верхневолжсксельэлектросетьстрой» рабочему базы тов. В. Шумову объявлен выговор и снижена премия.

«ВЫТРЕЗВЛЕНИЕ СНОМ»

Работник нижнетагильского «Тагильавторемонта» П. К. Лазарев поехал в командировку в ишимскую «Сельхозтехнику» (Тюменская область). По прибытии в г. Ишим поздним вечером Лазарев решил провести ночь на вокзале, так как надежды устроиться в гостинице в столь позднее время не питал. По-своему позаботилась о нем ишимская милиция, поместив Лазарева на ночлег... в медвытрезвитель. Об этом рассказывалось в фельетоне А. Моралевича («Крокодил» № 29).

Как сообщил начальник УВД Тюменского облисполкома тов. С. В. Осипов, факты, указанные в фельетоне, имели место: П. К. Лазарев был помещен в медвытрезвитель необоснованно. Деньги, удержанные с Лазарева за медуслуги, возвращены, ему принесены извинения.

Работники медвытрезвителя, нарушившие законность, привлечены к строгой ответственности.

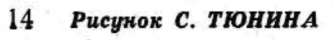

Рисунок С. ТЮНИНА

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— А теперь все вместе...

«Квик», ФРГ.

— Доказательство, что я не пьян,— это то, что я вижу вас четырех вполне отчетливо!

«Пуркуа па?», Бельгия.

Ласло ТАБИ (Венгрия)

В космический век

— Ни за что не поверю! Повторите еще раз!

— Я не пользуюсь электробритвой.

— Надо же! Такой до мозга костей современный человек! А как же вы бреетесь?

— Взбиваю кисточкой пену из крема для бритья, потом беру безопасную бритву и основательно, неторопливо бреюсь.

— И сколько все это занимает времени?

— Четыре минуты на пену, три минуты на бритье. Значит, всего семь минут.

— Семь минут! Это-то в космический век! И вам не жалко времени?

— Нет. Вы сколько бреетесь своей электробритвой?

— Три минуты. Каждое утро я экономлю четыре минуты!

— И что делаете, когда побреетесь?

— Моюсь и одеваюсь.

— И я. А потом?

— Ухожу из дому и сажусь в кафе.

— А там что вы делаете?

— Почему вы спрашиваете? Разве мы обычно не вместе смотрим в окно?

Перевел Н. ПРОШУНИН.

Слова, слова...

Собственные недостатки легче победить, если с ними столь же энергично бороться, как с чужими достоинствами.

Из американского самоучителя духовной гармонии.

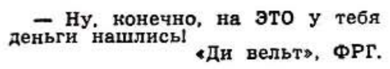
Если постоянно за собой следить, можно приобрести профессию сыщика.

Из советов Ната Пинкертона своим детям.

Объявление: «Ищу бескорыстного друга. Оплата по соглашению».

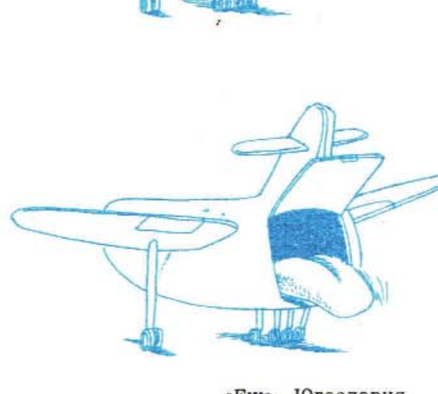
Приписывается Юлию Цезарю.

— Ну, конечно, на ЭТО у тебя деньги нашлись!

«Ди вельт», ФРГ.

«Еж», Югославия.

Огдэн НЭШ (США)

Что каждая женщина узнает рано или поздно

Мужья — это люди, от которых проистекают все беды, но с существованием которых женам приходится мириться.

И ежедневно во время завтрака и обеда видеть перед собой их недовольные лица.

Мужья спорят с женой даже по вопросам воспитания детей, но находятся в постоянном заблуждении

Относительно дня их рождения.

И даже когда мужья бывают настолько невнимательны, что замечают это сами,

Они всерьез считают, что одним великодушным поцелуем могут загладить любую обиду, нанесенную бесцеремонными словами.

Да, мужья невыносимы, когда они дома и уйти куда-нибудь с глаз долой даже не пытаются.

Но они еще более невыносимы, когда неизвестно где шатаются.

Любые ваши замечания они принимают с усмешкой, а в глазах у них при этом такое выражение,

Будто, слушая вас, они, конечно, делают вам громадное одолжение.

Они полны энергии, когда им предстоит пройти пять миль пешком, чтобы сыграть партию в гольф, но если нужно сделать что-то по хозяйству, становятся вялы и апатичны.

И при этом они любят порассуждать о том, что все женские поступки нелогичны.

Когда вы подаете на стол фрикадельки, они воспринимают их с кислой миной, восклицая: «Неужели мы не можем позволить себе что-нибудь вроде филе или антрекота?!»

Но если, после исполнения в течение месяца подобных пожеланий, вы кладете перед ними счет семейных расходов, он действует на них сильнее хорошего апперкота.

С какой геройской выдержкой, с каким хладнокровием переносят они болезни тех, кого когда-то обещали всю жизнь беречь и лелеять нежно!

Но если у них краснеет горло или болит живот, можно подумать, что их близкая смерть неизбежна.

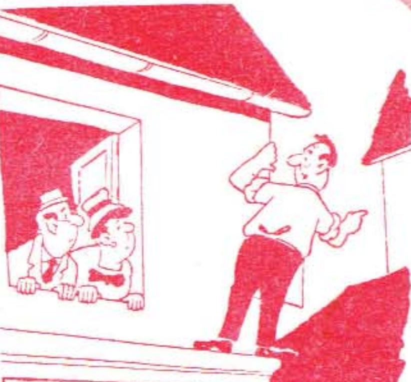
Когда вы остаетесь с ними тет-а-тет, они замыкаются в себе, очевидно, считая, что в беседе с вами для них нет ничего интересного.

Но в обществе они беспрерывно кланяются, улыбаются, расшаркиваются перед вами, подставляют такое количество стульев, предлагают столько бутербродов и сигарет, что вам нестерпимо хочется выбрать удобный момент и как-нибудь посильнее треснуть их.

Да, мужья — это наиболее раздражающий фактор семейной жизни, и, говоря искренне, для дома они абсолютно не нужны.

Но по иронии судьбы большинство из них устраивается весьма удобно под крылышком у собственной жены.

Перевел Александр ЖУКОВ.

— Я же вам говорил, из комнаты видно море...

«Афтонбладет», Швеция.

Молодой человек пришел к отцу любимой девушки.

— Сэр, я хотел бы жениться на вашей дочери,— сказал он.

— А вы уже беседовали с моей женой?

— Да, сэр, но если вы не возражаете, я все же предпочел бы вашу дочь.

●

Жена. Я отдала тебе лучшие годы моей жизни!

Муж. Могу себе представить, на что были похожи твои худшие годы!

●

— Скажи, Жак, ты доволен своей новой микролитражкой?

— Машина неплохая, только немножко жмет в плечах.

●

Хозяин фирмы вызывает к себе сотрудника.

— Дюпон, мне рассказали, что вы каждое утро перед работой заходите в церковь и просите бога, чтобы я повысил вам зарплату. Так вот, Дюпон, знайте, я не люблю, когда обращаются через мою голову в вышестоящие инстанции!

●

— Ваше кровяное давление мне не нравится,— качает головой врач.

— Оно высокое или низкое?

— Оно нормальное, а в наше время это дурной признак.

●

— Известно ли тебе, Жак, что женщины в нашей стране тратят на косметику больше, чем страна тратит на вооружение?

— Вполне возможно, но они и одерживают больше побед!

●

— Что-то я не вижу тебя больше с той блондинкой, с которой я тебя все время видел раньше.

— Она недавно вышла замуж.

— А за кого?

— За меня.

●

Заведующий отделом спрашивает претендента на вакантное место в фирме:

— У вас есть бабушка?

— Нет...

— Тогда вы приняты. А то у вашего предшественника в течение одного месяца умерло пять бабушек.

«Ойленшпигель», ГДР.

— Да, синьор, в этом году комары просто обнаглели!

«Сеттимана энигмистика», Италия.

— Уверяю тебя, мама, Роллан счастлив, что ты едешь с нами!

«Рир», Франция.

КРОКОДИЛ

№ 2 (2156)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Вайсборд, Е. Гаврилин, В. Жаринов, Н. Капуста (г. Донецк), Г. Ломидзе (г. Тбилиси), К. Невлер, В. Тильман, С. Тюнин М. Ушац.

■

НАШ АДРЕС:

101455, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

■

Главный редактор Е. П. ДУБРОВИН

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

■

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

■

Рукописи не возвращаются.

■

Сдано в набор 17/XII 1975 г. А 00957. Подписано к печати 29/XII 1975 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1—3 702 100). Изд. № 213. Заказ № 1619.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.